

Виталий Матвеевич Конеев

Гнев Бога

Философский роман

18+

Виталий Конеев

Гнев Бога

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конеев В. М.

Гнев Бога / В. М. Конеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Разгром трёх римских легионов в Германии. Остатки легионов выводит к границе Понтий Пилат. В Риме идёт борьба за власть. Тиберию угрожает смерть. Тиберий отправляет Пилата убить наследника. Понтий встречает в тюрьме странного человека, который показывает ему его будущее. Роман о Добре и Зле. Побеждает Зло. И основатель христианства уходит на Восток. В романе много женщин, любви, приключений, интриг. Иешуа проповедовал Добро, а за Добро его били. И приговорили к смерти. Его спас благородный Иуда и пошёл под именем Иешуа на крест.

ГНЕВ БОГА

Философский роман

(Виталий Матвеевич Конеев)

Посвящается Ангелу Ю.

Глава первая

Разгромленные остатки трёх римских легионов стремительно отступали по раскисшим от дождей дорогам в сторону Рейна...к границе, откуда всего две недели назад беспечные, сытые и уверенные в себе сотрясатели Вселенной под руководством Квинктилия Вара вторглись в земли германского племени батавов с целью грабежа и усмирения последних.

Поход обещал быть прогулкой. Да и какой римский солдат, изнурённый тяжёлой лагерной работой и убогим рационом, не мечтал о походах, когда и кормили хорошо, и была возможность отличиться, и, разумеется, что было более всего привлекательней, заполучить хороших женщин.

Батавы медленно уходили, увлекая противника за собой в глухие массивы Тевтобургского леса, где трудно было развернуться повозкам, пройти коннице. Легионеры увязали в грязи, двигались друг за другом цепочками. Но вот всё чаще и чаще из-за ближайших деревьев начали выскакивать бородастые германцы, одетые в шкуры. Батавы обрушивали стремительные удары по растерянному противнику и, захватив десятка два пленных, исчезали, чтобы спустя несколько минут атаковать римлян в другом месте. Эти атаки непрерывно следовали одна за другой...день и ночь две недели, порождая страх в душах легионеров. И когда, наконец, Квинктилий Вар повернул, ослабленную потерями, армию назад, то отступление её вскоре перешло в паническое бегство. Были брошены все повозки, боевые орудия, скот.

Многодневный дождь сделал дороги труднопроходимыми. На пути движения армии батавы выкапывали волчьи ямы, куда попадали десятки солдат, перегораживали дороги завалами из срубленных деревьев, бросали под ноги идущих легионеров головы их товарищей, пробирались в середину отступающих колонн, чтобы неожиданно с рёвом и криком набрасываться на уставших и обезумевших римлян, многие из которых были не в силах сопротивляться.

Большая группа легионеров, состоявшая из центурионов и старослужащих солдат, тесным кольцом шла вокруг носилок, на которых лежал раненый Квинктилий Вар. Лицо легата было искажено гримасой страдания от чувства позора. Он держал в руке меч, готовый пронзить себя в любую секунду, но надежда спасти остатки легионов удерживала римлянина от этого поступка. Приподнявшись на носилках, он напряжённо вглядывался в глубину узкой извилистой дороги. Там, где-то совсем рядом кончался лес. А за ним тянулась широкая прирейнская долина, за рекой стояли вышки и посты римских пограничных отрядов. Когда ему показалось, что он увидел впереди меж густых ветвей деревьев далёкий блеск речной глади, на дорогу с двух сторон высыпали из леса сотни и сотни голубоглазых варваров. Свистнули стрелы. Одна из них впилась в грудь легата. Он, хрипя, сорвал с груди орден – знак командующего – и с трудом найдя в первом ряду группы легионеров того, кого искал, надсадно крикнул:

– Понтий Пилат!

На его крик обернулся юный трибун шестнадцати лет, покрытый грязью и кровью с головы до ног. Он бросился к носилкам. Квинктилий швырнул ему свой знак и указал на толпу батавов, которые впервые за многие дни, торжествуя, решили сразиться со своим врагом открыто – лицом к лицу.

Легат, кашляя кровью, прохрипел:

– Построй всех...трубач сбор...меня бросить!

И он со стоном, обхватив рукоятку меча двумя руками, пронзил своё сердце. Так умер патриций, судьба которого, казалось, была счастливой и завидной. В юности он был легатом в армиях Октавиана, а после окончания гражданской войны, в эпоху вечного мира, стал наместником провинции «Сирия» и вошёл в историю тем, что судил сыновей иудейского царя Ирода Великого. И вот бесславный конец здесь, в забытом богами болотистом краю холодной страны. Земная жизнь патриция кончилась.

По сигналу Пилата скрипуче заревели трубы, объявляя большой сбор и тем самым указывая, как своим солдатам, так и врагам, местонахождение ядра армии. Со всех сторон на сигнал трубачей бежали, пробивались сквозь заросли кустов, деревьев и ряды германцев, легионеры.

– Черепуха! Здесь! – громовым голосом прокричал Пилат, указывая окровавленным мечом на дорогу.

Легионеры быстро увеличивали собой колонну, что неподвижно стояла на дороге, укрывая словно единым панцирем огромными щитами, на которых солнце, выглянув из-за туч, засияло холодным блеском.

Батавы, при виде этого единого и всегда страшного своей плотностью тела, нерешительно остановились. Но те из них, кто был в конце толпы и ничего не видел, криками и толчками понуждали стоявших впереди собратьев к нападению на римлян. И всё более скучивались на одном месте. Из их рядов, расшвыривая по сторонам соплеменников, вышел вперёд рослый молодой германец. Потрясая копьём и взбадривая себя криками, он призывно махнул рукой своим товарищам и двинулся навстречу колонне римлян.

Понтий Пилат впился взглядом в батава и приказал трубачу дать сигнал «В бой!». И прикрывая щитом своё тело от секущих воздух стрел, с мечом в руке он бросился на батава.

Вся колонна пришла в движение. С лязгом и рёвом «Барра!» стуча изо всех сил мечами по панцирям и щитам, легионеры с разгона протаранили отряды германцев, раскидывая, топча и рубя всё вокруг. Дикий вой тысяч людей и звон металла огласили лес.

Понтий Пилат в несколько прыжков оказался перед рослым германцем. Тот, пугая, оскалил зубы, бросил копьё и сорвал с пояса топор, обрушил его на легата. Понтий принял топор на щит и, молниеносно шагнув вперёд, вонзил меч в грудь варвара – снизу вверх. Распрямляясь, Понтий сбросил обмякшее тело в сторону и, слыша рядом за спиной рёв и хрип своих легионеров, топот сотен ног, ворвался в гущу толпы врагов. Его душу распирал безумный гнев и жажда отплатить батавам смертью за понесённый позор, за то, что его армия была уничтожена не в открытом, честном бою, а с помощью трусливых, внезапных наскоков варваров, которые, по –мнению Пилата, были недостойны торжествовать победу над римским оружием.

Стремительный удар клоны наткнулся на толпу батавов. Впереди стоявшие германцы не выдержали натиск легионеров и попятились, тогда, как в задних рядах их сородичи рвались вперёд и давили, толкали соплеменников навстречу римлян. В этой дикой тесноте и толчее батавы не могли развернуться для удара копьём или длинным топором. Иные из них задыхались, сдавленные с двух сторон и становились лёгкой добычей для коротких римских мечей. Тот, кто запинался и падал, уже не был в силах подняться на ноги. Его немедленно втоптывали в грязь, которая была густо перемешана кровью и изрубленными останками людей.

Вой, звон и грохот металла стояли над дорогой. Со всех сторон к месту битвы сбегались всё новые и новые отряды германцев. Они окружили римлян и забрасывали их камнями, копьями, стрелами, но не в силах были ворваться в колонну, плотно закрытую щитами

В какой-то миг сражения Понтий, откинув прочь только что заколотого им батава, хотел переступить через него, но тот последним усилием воли вцепился зубами в щит трибуна и повис на нём, открыв римлянину его грудь. Пилат, отражая очередной удар, заметил, что чья-то сильная рука бросила в него копьё. Но он был не в силах закрыться щитом, не успевал вернуть назад свой меч. И уже считал себя погибшим, как внезапно копьё с громким сухим треском переломилось в воздухе, а его обломки тяжело ударили в грудь трибуна, словно толкнули.

Он чуть отступил назад. И это короткое движение спасло Пилата от брошенного в него сбоку второго копья. Оно мелькнуло перед лицом трибуна, а мгновение спустя, пронзило шею центуриона, который находился по левую сторону от Понтия.

Между тем, в голове колонны легионеры сломали сопротивление варваров, и те, по обыкновению своему, не имея ни выучки, ни дисциплины, начали разбегаться, давя друг друга.

Римляне, теряя убитых и раненых, помчались вперёд. А за ними по пятам бежали, завывая от ярости батавы.

И вот, наконец, за поворотом дороги, за плотной стеной деревьев показалась широкая прирейнская долина, по которой навстречу разбитой армии скакали отряды римской конницы.

Понтий Пилат осипшим голосом остановил своих солдат, построил в боевой порядок, в каре. Но батавы, огромной толпой выскочив из леса, при виде конницы не решились напасть на римлян, число которых едва ли превышало пятисот человек. Разгром сорокатысячной армии Квинктилия Вара был почти полным.

Глава вторая

РИМ

В большой комнате на полу десятка два мальчиков в возрасте от пяти до шести лет оживлённо, группами играли в камешки, кости и орехи. Дети отчаянно спорили, болтали и толкались. Между ними неторопливо передвигался на коленях сухонький старик с блаженной улыбкой на лице. Он внимательно слушал разговоры детей, а чтобы лучше слышать, приставлял руки к своим ушам и хихикал. Иногда, сев на скрещённые ноги, доставал из пояса туники горбушку чёрствого хлеба и с удовольствием, причмокивая губами, закусывал. Это был Божественный Август Октавиан, принцепс, властитель Вселенной.

Дверь комнаты осторожно открылась. И в неё, никем не замеченным, тяжело вошёл широкоплечий высокий римлянин с необычайно красивым лицом, но грубым и злым. Увидев Августа, который сидел на корточках перед группой малышей и с весёлым видом подслушивал их разговоры, вошедший мужчина пожал плечами. Тихо буркнул:

– Совсем спятил старик.

Дети, почувствовав злую волю, начали затихать. Август обернулся и нахмурился, торопливо сунул ломоть хлеба в пояс и негромко, но так, чтобы римлянин его понял, сказал:

– Бедный римский народ. В какие он попадёт медвежьих челюсти.

Август быстро встал на ноги и, взъерошенный, сердитый, подступил к вошедшему римлянину, который при виде его взгляда, словно поражённый, сделал шаг назад и опустил взгляд вниз. Он засопел и дрыгнул ногой. Лицо Августа смягчилось.

– Перестань дрыгать ногами. Ты знаешь: я это не люблю.

Август был раздосадован не внезапным появлением своего пасынка Тиберия, который имел право входить к нему в любое время дня, а тем своим чувством страха, что возникал у него в душе при виде властного облика наследника. Его тяжёлая поступь, медленный поворот головы, пронизывающий взгляд и голос, даже тихий, заставляющий умолкнуть говорунов – всё это возмущало принцепса. Ему, семидесятилетнему старику, было стыдно перед самим собой за то, что он не мог скрыть своего страха перед этим грозным полководцем. Август впери в Тиберия взгляд, который, как он считал – и это подтверждали многие его друзья – был подобен молнии.

Тиберий, увидев перед собой низкорослого отца с вытаращенными глазами, в старой тоге, вскрикнул и, словно ослеплённый, закрылся широкими ладонями и отступил назад. Душа Августа ещё более смягчилась. И, тем не менее, он, стараясь возбудить в себе гнев, визгливо закричал, указывая пальцем на крупный нос полководца:

– Ну, вот, милый Тиберий! Как ты появился со своим угрюмым лицом, так сразу испортил моё настроение!

– Отец, где же мне взять другое лицо? – почтительно склоняя голову и опуская взгляд вниз, тихо спросил пасынок.

– Тебя не любит народ. Тебя боятся члены Правительства, а что произойдёт после моей смерти? – Август внезапно умолк и, думая уже о другом, быстро прошёл по комнате, с мучительным стоном заламывая руки. – О, боги, я предвижу новую затяжную войну между римским народом. – Он стремительно глянул на пасынка. – Тебя не поддержат германские легионы, а восточные – поднимут бунт. А Правительство, едва ты покинешь Рим, изберёт принцепсом Агриппу Постума. О! Я несчастный отец!

Агриппа Постум был внуком Августа, который купил его у своего зятя, что часто практиковалось в те годы, и усыновил, сделав его, по сути, наследником. Однако наследник, возмужав, прославился на весь Рим низким, диким и необузданным нравом, а развратом повторил свою мать Юлию. Тяжело страдая из-за своих детей, принцепс отправил обоих в ссылку. А когда сенаторы пришли к нему и, преклонив колена, начали умолять его простить Юлию, он в ярости крикнул:

– Я вам желаю таких же дочерей, жён и сестёр, как моя дочь Юлия! – и выгнал всех вон.

Теперь он чувствовал себя слабым и больным, как никогда. Его мучил страх, что он мог умереть внезапно, хотя мечтал о лёгкой, внезапной смерти. Август боялся, что не успеет внушить Тиберию нужные для управления государством мысли, предостеречь, указать.

Он с глубоким вздохом посмотрел на пасынка, который стоял посередине комнаты с каменным выражением лица, и, театрально вскинув над головой руки, воскликнул:

– Ну, что ж! Пускай правит! Тем чаще римский народ будет вспоминать мою мягкость и доброту!

Он взял под руку Тиберия и начал прогуливаться с ним по комнате.

– Слушай меня внимательно, милый Тиберий.

– Я весь внимание, отец.

Август, рассеянно глядя перед собой, вынул из пояса горбушку и с удовольствием закусил.

– Вчера я возвращался из царской курии в носилках. Съел ломоть хлеба и несколько ягод толстокожего винограда. И этим был сыт весь день... – Он потёр лоб и поморщился... – Да... этот Агриппа... мне донесли сенаторы... я ведь недавно болел... Так вот сенаторы в дни моей болезни... я знаю их имена... но пускай им простят боги... немедленно отправились к Постуму. И в разговоре с ним обращались к нему «государь».

Тиберий вздрогнул. Всё поплыло у него перед глазами. Он уже мысленно видел толпы ликующей, ленивой и развратной черни, которая несла на плечах своего любимца – пьяницу и бездельника Агриппу. И так будет. И это несмотря на то, что Тиберий после каждого возвращения из похода осыпал милостями город, а денежные раздачи превосходили во много раз те, что позволяли себе иные полководцы. И, тем не менее, народ не любил его.

Тиберий яростно ударил себя в грудь кулаком.

– О, неблагодарная чернь!

Август остановил его нетерпеливым жестом руки.

– Есть единственный выход, и я хорошо подумал о нём, пока ты находился в Иллирике... – Он выдержал длинную паузу и жёстко сказал: – Ты прикажешь убить Агриппу, едва я умру... в день моей смерти. А ныне пускай живёт.

На глазах принцепса заблестели слёзы. Он любил своих детей, глубоко страдал и каждый день выслушивал гонцов, которые прибывали из мест, где находились его дети. Расспрашивал гонцов с величайшей подробностью об их жизни. Но, считая и весьма справедливо, что его поведению подражал народ, не прощал детей.

– Я сделаю так, как ты велишь, отец.

– Ну, и хватит об этом!

Август глубоко вздохнул и, по-прежнему не обращая внимания на мальчиков, которые сгрудились в углу комнаты, улыбнулся и протянул руки к полководцу.

– А теперь, милый Тиберий, обними и поцелуй меня. Я здорово соскучился по тебе за эти годы. Я часто видел во сне...– Он заметил на руке Тиберия длинный, узловатый шрам, оцупал его и взволнованно воскликнул: – Тебе грозила опасность?!

– Нет, отец.

– Как же ты получил эту рану?

– Панонийцы окружили мои легионы в горной теснине. Мы стояли в ней двое суток без сна...

– И что дальше?

Тиберий жестоко ответил, чеканя слова:

– Мы разбили их!

– И это весь рассказ?

– Что ты хочешь услышать, отец?

– Как ты был ранен?

– Мне пришлось встать впереди легионов и принять первым удар варваров.

– Ага...– с мягкостью во взгляде принцепс осмотрел лицо полководца.– Вижу, у тебя лицо усталое. Ты, наверное, домой не заходил?

– Нет.

– Сразу после Иллирика ты пришёл ко мне?

– Да, отец.

– И, наверное, не ел?

– У меня не было времени. Я скакал на коне, не останавливаясь, от Брундизия.

– Хорошо. Сходи домой и возвращайся, как можно быстрее.

Тиберий по двум причинам торопился в Рим. Находясь в лагере, он получил известие от матери Ливии о том, что среди друзей Августа всё чаще шли разговоры о нём, Тиберии, как о полководце, который замыслил отложиться от Рима и только, мол, поэтому он затягивал окончание войны и не спешил на призыв принцепса вернуться домой. Тиберий хорошо помнил: за что погиб восемнадцать лет назад его старший брат Друз, командующий германскими легионами. Друз, не таясь, высказывал мысли, что при первой же возможности он восстановит прежний государственный строй. Он мечтал о республике. Август, подозревая Друза в измене, приказал ему покинуть провинцию «Германия» и верные ему легионы, и так как Друз медлил, отравил его ядом.

Вторая причина болью отразилась в душе Тиберия. Его бывшая жена Агриппина вот-вот должна была оставить Рим, чтобы навсегда уехать в далёкую восточную провинцию к своему супругу.

Тиберий быстро вышел из дворца и едва ли не бегом спустился по широким лестницам с Палатинского холма в римские улицы. Этот человек, которому завидовали, которого боялись и которого проклинали, с первых лет жизни испытал тяжёлые страдания, какие вряд ли выпадали на долю даже рабам. А ведь он родился в семье знатного и богатого патриция из старейшего сабинского рода. Его отец Нерон...это имя на сабинском языке означало: «храбрый...сильный»...был сподвижником Гая Юлия Цезаря в период гражданских войн, командовал флотом. А когда Цезарь был убит во время заседания Правительства, то Нерон, как и большинство друзей погибшего, перешёл на сторону республиканцев и потребовал от Правительства награды для тираноубийц. Возглавляя республиканские войска в новой войне, он многократно терпел поражения от наследника Гая Юлия Цезаря – задорного восемнадцатилетнего петушка Октавиана, впоследствии ставшего Августом. Часто, спасаясь бегством, Нерон увлекал за собой юную красавицу жену Ливию с грудным ребёнком. В первые свои четыре года Тиберий видел только слёзы, смерть, кровь и отчаяние матери Ливии, от которой соратники её мужа и сам

Нерон в очередных бегах, когда противник был совсем рядом, требовали убить малыша. Тот мог выдать их местоположение своим внезапным плачем. Но Ливия безумно любила младенца и готова была расстаться со своей жизнью, но не с Тиберием. И во время самых кровавых сражений она закрывала младенца своим телом, и весело рассказывала сказки, пела песни. Она была для Тиберия прекрасным миром, в котором он всегда искал спасения от вечного страха, ненависти и злобы, что были вокруг них.

Когда после заключения всеобщего мира Август... тогда двадцатилетний щёголь... увидел юную красавицу Ливию, а он уже был наслышан о её красоте, то немедленно потребовал, чтобы её муж Нерон дал развод своей жене. И хотя она была на шестом месяце беременности, Август без промедления женился на ней.

А годы спустя, когда Юлия дочь Августа от первого брака опозорила отца перед римским народом своим бесстыдным распутством, Август, желая остепенить её, начал подыскивать ей женихов. Всякий патриций, на кого падал взгляд принцепса, прикидывался больным, увечным или душевно ненормальным – такой сильный страх у молодых мужчин вызывала Юлия. Август остановил свой выбор на Тиберии. Заставил его взять в жёны Юлию и развестись с Агриппиной. И так как Тиберий часто искал повода, чтобы пройти мимо дома, где жила его бывшая супруга, а встретив её на улице, останавливался и долго смотрел на Агриппину, то принцепс, недовольный поведением пасынка, приказал Агриппине покинуть Рим. Однако в следующие двадцать лет Август простил Тиберия, а Юлию отправил в ссылку.

Глава третья

Узкую кривую улочку перед дворцом Марка Агриппы – отца Агриппины – с раннего утра заполнила огромная толпа пролетариев, которые подобно своре собак носились по Риму, кланча подачки у богатых граждан, схватываясь друг с другом из-за каждого динария. Эта вечно голодная чернь ежедневно требовала от принцепса «хлеба и зрелищ», с которой каждый кандидат на выборную должность вынужден был считаться и всемерно одарять богатыми подарками, что не мешало пролетариям многократно продавать свой голос другим кандидатам.

Едва только ворота распахнулись и на улицу вышли плотными рядами рабы с крепкими дубинами в руках, окружая лёгкие, открытые носилки, в которых сидела молодая римлянка, как пролетарии с оглушительными приветственными криками метнулись навстречу Агриппине, готовые разнести всё на своём пути. Но когда тяжёлые дубинки прошли по их головам, чернь отхлынула назад. К ней подошли рабы с огромными корзинами, полными хлеба, мяса, фруктов, с кошельками денег. И по мере продвижения отряда Агриппины рабы раздавали всё в протянутые руки. Бросать в толпу эти подачки рабы не смели: римские граждане никому бы не простили такого оскорбления.

Получив хлеб, торопливо жуя его и брэнча монетами, пролетарии, тем не менее, не расходились. Они потянулись за отрядом Агриппины, надеясь на вторую раздачу в порту, громко крича о красоте молодой римлянки, о её доброте и великодушии.

Тиберий, прикрываясь то плечом, то рукой, горбился на другой стороне улицы за спинами людей, взволнованный ожиданием Агриппины, а когда увидел её, как и двадцать лет назад юную и прелестную, задрожал всем телом и чтобы не упасть, он оперся о чьи-то спины. От сильного прилива крови к голове у него заломило в висках, и он забыл о том, что его могли узнать и донести Августу. Торопливо смахивая с лица слёзы, Тиберий жадно скользил взглядом по Агриппине и шёл в толпе сбоку от неё, уже не таясь.

Римлянка заметила Тиберия, потного, взволнованного, и ей стало жалко его. Она протянула к нему руку. Он рванулся вперёд, не спуская с неё взгляда, осторожно сжал тонкие пальцы, изумлённый тем, что эта восхитительная женщина когда-то была его женой. Он смотрел в её лицо, ища в нём ответное чувство и, не найдя его, вздохнул с таким отчаянным видом, что сердце римлянки вздрогнуло, а в её глазах заблестели слёзы. Она наклонилась к Тиберию и погладила его по щеке.

– Милый Тиберий... я всегда помнила о нашей прошлой жизни.

Он порывисто повернулся к ней.

– Скажи ещё что-нибудь.

– Я восхищалась твоими военными победами и молила богов, чтобы они всегда посылали тебе удачу.

– Ещё!

– Все говорят, что однажды ты станешь принцепсом. Ты будешь самым счастливым из смертных и равным богам.

Тиберий отрицательно покачал головой.

– Нет – нет. – По его лицу обильно катились слёзы.

– Тебя будут любить самые красивые женщины Рима, и ты легко найдёшь себе прекрасную жену.

Её нежный голос пьянил полководца, а понимание, что он никогда не сможет услышать его, приводило Тиберия в отчаяние. Обезумевший и совершенно потерянный, он шёл рядом с носилками Агриппины и держал её руку в своей ладони, не замечая, что римлянка из-за этого сидела в неудобной позе, сильно наклонившись над ним.

– Ах, Агриппина, знай же: я много раз за эти двадцать лет слышал во сне твой голос, вскакивал с постели и искал тебя...

– Я это знала.

– А две недели назад, когда я с частью своей армии был окружён в Панонийских горах, и нам всем грозила смерть, я думал только о тебе. И только жажда ещё раз услышать твой голос, увидеть тебя, прикоснуться к тебе, заставили меня сражаться до конца.

Агриппина виновато улыбнулась и, стараясь вложить в слова как можно больше нежности, мягко сказала:

– Милый Тиберий, я всегда помнила твою ласку.

– Ты была счастлива со мной?

– Да, каждый день.

– И ты видела меня во сне?

– Всегда видела, и не только во сне.

– А я после наших лет никогда не знал счастья. Только с тобой мне было хорошо.

Агриппине было тягостно и стыдно. Её прелестное белое лицо порозовело, сделав женщину ещё более привлекательной и обворожительной. Он, продолжая держать её руку в своей руке, свободной рукой гладил носилки, трогал её столу, невнятно говоря:

– Я мечтал это сделать...

В речном порту, уже простившись, он несколько раз, расталкивая людей, быстро шёл за римлянкой.

– Агриппина, ещё немного побудь со мной.

И он с безумной надеждой глядел на широкий Тибр, моля богов, чтобы они послали бурю, которая задержала бы корабли в гавани. Но день был прекрасный, а Агриппина была нежной и восхитительно красивой. Он не мог оторвать от неё взгляда и страдал от того, что видел её в последний раз.

Когда, наконец, она взошла на корабль, и тот, осторожно всплывая двумя рядами вёсел, медленно двинулся вниз по течению реки в составе большого речного флота, Тиберий прощально поднял вверх руки. И так стоял до тех пор, пока корабли не скрылись за речным поворотом. А потом, закрывая концом тоги лицо, залитое слезами, качаясь, как пьяный, Тиберий вернулся в город.

Глава четвёртая

Август неторопливо шёл по длинному пустынному коридору в сторону зала, где пообедали его друзья. Теперь после разговора с Тиберием, когда он, по сути, обрёк своего сына Постума

на смерть, Август чувствовал стеснение в груди. И всё более и более сомневался в правильности своего решения. Лучшие поступки Агриппы, его смех, уважение к нему, принцепсу, мгновенно вспоминались Августу. И он, ещё утром уверенный в том, что только смерть развратного сына могла предотвратить новую гражданскую войну, сейчас, мысленно увидев его мёртвым, залитым кровью, вскрикнул и остановился, глядя в пол. И не сразу заметил двух сенаторов – Мецената и Гортензия – которые появились у него на пути. При виде их, Август непроизвольно обернулся назад, но коридор был пустынный. И Августа на короткое мгновение охватил страх. Он вспомнил, как был убит его великий отец Гай Юлий Цезарь.

Вперёд выступил надушенный и напомаженный Меценат, поднял вверх руку.

– Цезарь, прости нас.

– За что я должен простить своих лучших друзей? – сдавленным голосом ответил Август.

– Мы слышали то, о чём ты говорил с Тиберием.

– Вот как! Значит, вы мои самые верные друзья, стояли за дверью?

Он вспомнил, что в списке тех, кто ездил к Агриппе Постуму был и Гортензий. А теперь выходило, что и Меценат с ним заодно. Август, в ярости потрясая кулаками, двинулся на сенаторов

– Да как вы посмели? Вы! Кому я всегда верил больше, чем себе!

Меценат, глянув на Гортензия, пожал плечами и с лицом, полным непонимания: как он оказался здесь?... с гордо поднятой головой отошёл к окну и с интересом стал рассматривать город.

– Останови свой гнев, Цезарь, – раздражённым голосом сказал Гортензий. – Разве опасен тот, кто признаётся в своих поступках?

– Я знаю: ты был на острове у Постума

– Да, и я отметил, что твой сын изменился к лучшему. И рассуждает, как здравый человек.

Август затих и опустил руки.

– Что же вы хотите от меня?

– Чтобы ты, Цезарь, не отдавал нас в руки чудовищу! – крикнул Гортензий.

Меценат оторвался от созерцания города, быстро подошёл к принцепсу, взял его под руку и, словно прогуливаясь, зашагал с ним в сторону зала, добродушно говоря:

– Друг мой, насколько я помню, ты вот уже неделю как пишешь в бане трагедию об Аяксе.

Как поживает твой Герой?

– Он бросился на губку, – угрюмо ответил Август.

– И это был смертельный бросок?

– Да

Меценат похлопал в ладоши.

– Bravo, друг мой. Я обязательно всем расскажу о твоём великолепном каламбуре.

Август и сам улыбнулся, довольный своей шуткой. И когда Меценат, зорко следивший за Августом, наклонился к его уху и тихим проникновенным голосом сказал: « Цезарь, вспомни, что говорил Феодор Гадарский», то принцепс, всё понимая, ответил:

– Я не знаю такого.

– Он был грамматиком Тиберия.

– Ну и что?

Гортензий Флакк вновь заступил дорогу Августу и яростно гаркнул:

– Феодор назвал Тиберия: грязью, замешанной кровью!

В это время из-за угла коридора вышел Тиберий с перекошенным лицом от гнева и, идя навстречу группе друзей, указывая пальцем на Гортензия Флакка, он быстро заговорил:

– Не ты ли, Гортензий Флакк, известен в Риме тем, что спал со своей матерью!

Это была явная ложь, и все, кто её услышал в эту минуту, понимали, что она была сказана полководцем только для того, чтобы оскорбить сенатора.

Гортензий вздрогнул и закачался, потрясённый обвинением. Он несколько секунд смотрел на стоявшего против него Тиберия, а потом с рычанием метнулся к нему и сунул руку себе под тогу на пояс, где у него висел кинжал. Но Тиберий молниеносным движением перехватил руку сенатора и, словно для пожатия, крепко сжал её пальцами.

– Гортензий, клянусь Юпитером, я не хочу власти. А если к моему несчастью меня заставят её принять, то я ничего не сделаю без одобрения римского народа и Правительства.

Принцепс встал между врагами и, отстранив их друг от друга, заставил каждого из них признаться другому, что сказанное обвинение было ложью. А потом, опершись на руку Тиберия, ушёл с ним в зал.

Меценат осторожно перевёл дух и хотел последовать за Августом, но Гортензий схватил его за плечо.

– Подожди и узнай, что я придумал.– Сенатор вынул из складок тоги широкий кинжал. – После обеда, когда все пойдут в коридор, ты удержишь разговором людей у двери. И едва Тиберий вмешается в толпу, я его ударю в спину... Нет! В грудь!

– Безумец, что ты этим добьёшься?

– Мы восстановим республику!

Меценат с трагичной жалостью посмотрел на возбуждённого друга, пожалел, что рядом нет зеркала, с помощью которого он бы хотел сейчас убедиться в том, что и поза, и выражение лица его, и жест руки – всё делают Мецената блистательным актёром.

– Уволь, Гортензий, меня от этого.

– Ты боишься?

– Нет. Я ничего и никого не боюсь. Но я слишком богат и к тому же я поэт. А поэты... сам знаешь...

– Дерьмо! – отрезал Гортензий, пряча кинжал под тогой.

Меценат рассмеялся в ответ смехом Героя, вышел из дворца и, посмеиваясь, неторопливо спустился с Палатинского холма к своим носилкам, вокруг которых огромной толпой стояли его рабы и клиенты. Он с удовольствием расположился на мягких подушках, окинул добродушным взглядом широкую улицу, полную народа, синее небо. Потом, приказав рабам нести себя домой, уже хотел было задёрнуть занавески, как услышал пронзительный, женский крик.

Меценат выглянул из носилок.

По улице, расталкивая людей, бежала окровавленная женщина, безумными глазами глядя по сторонам. Она тянула за собой за руку прелестного мальчика лет девяти. Ищущий взгляд женщины остановился на добродушном лице сенатора. И она, испустив ещё более пронзительный крик, бросилась в толпу клиентов Мецената, восклицая:

– Добрый господин! Добрый господин!

– Пропустите её.

Женщина подбежала к носилкам и стремительно, рывком подняв в воздух мальчика, бросила его под ноги сенатора и, ни слова не говоря, быстрым движением руки задёрнула занавеску и немедленно выскочила из толпы клиентов на улицу. Оглянувшись в ту сторону, откуда только что прибежала и неторопливо зашагала прочь.

Меценат, ничуть не удивлённый таким странным действием незнакомки, внимательно осмотрел толпы римского народа и вскоре заметил трёх закутанных в плащи мужчин, которые ловко пробивали себе дорогу в людском море. Их лица до глаз были закрыты чёрными платками. Едва преследователи увидели впереди женщину, бросившую ребёнка, как немедленно, расшвыривая перед собой горожан, помчались за ней. Она же, то и дело, оглядываясь и следя за ними, хромя и вскрикивая, словно каждый шаг причинял ей мучение, заспешила в соседнюю улицу.

Трое мужчин остановились. И один из них, с резкими, властными жестами рук, что-то быстро сказал своим товарищам, указывая на колонну клиентов Мецената. Его злобный взгляд остановился на носилках и вперился в глаза сенатора. Тот едва удержал себя от желания спрятаться от этого пронизывающего взгляда, но уже секунду спустя, римлянин величественно выпрямился и ответил презрительной улыбкой.

Незнакомец громко хмыкнул и отвёл взгляд в сторону. Потом, оставив рядом с идущими клиентами Мецената своего товарища, с другим помчался за женщиной.

Меценат задёрнул занавеску и недовольный своим поведением, что он на мгновение испытал страх перед каким-то ничтожным, наёмным убийцей, сурово глянул себе под ноги, на мальчугана, тронул его ногой.

– Эй, может, ты, наконец, объяснишь мне: кто ты такой?

Мальчик дрожал всем телом и чутко прислушивался к тому, что происходило на улице. Из его больших глаз с тёмно-кариыми зрачками непрерывно катились на грязные щёки слёзы.

Меценат с удовольствием осмотрел хорошенького мальчика и поднял его голову за подбородок.

– Ну, говори: как тебя зовут?

– Я Иуда, сын Исава из Кариота.

– Ты иудей?

– Да. Мы утром прибыли из Иудеи.

– А кто эти трое?

– Это секаре... тайные убийцы, посланные первосвященником Анной.

– Что же натворил твой отец?

– Он согрешил перед законом Моисея.

Меценат выглянул из носилок. Убийца находился в толпе клиентов и неторопливо шёл среди них. Меценат щелчками пальцев подозвал к себе огромного раба и указал на идущего убийцу.

– Ну-ка, Гектор, отделай его хорошенько так, чтобы я слышал. И проследи, чтобы его соплеменники не попали в мои сады.

Через несколько секунд раздались глухие удары и громкий вскрик. Меценат рассмеялся и подмигнул Иуде. Тот робко улыбнулся и с грустью в голосе сказал:

– О, добрый господин, они всё равно убьют меня, потому что не посмеют вернуться в Иудею, не выполнив приказа Анны.

– Иуда, если ты останешься у меня. Ведь ты хочешь остаться у меня?

– О, да, господин!

– И так, если ты останешься у меня, то тебя будет охранять мой Гектор.

Измученный мальчик недоверчиво осмотрел добродушное лицо сенатора и, сложив руки на груди, с достоинством поклонился ему, продолжая стоять в носилках на коленях.

– Я всегда буду помнить, что ты спас мне жизнь.

Вскоре длинная колонна клиентов со своим патроном достигла садов Мецената.

Глава пятая

В тенистой, прохладной аллее Меценат вышел из носилок и, сделав знак Иуде: следовать за ним, опустив голову, медленным шагом направился в сторону театра. Этот молодой пятидесятилетний сенатор не был столь легкомысленным, каким он старался казаться для друзей. Его больно уязвила грубость Горгензия, но верный своим привычкам, Меценат под напускным добродушием скрыл обиду на друга. И, как всякий умный человек, постарался в душе оправдать его гневную вспышку. Сейчас Мецената смущала его двойственная позиция в отношении Тиберия и Постума. Он, как и Август, готов был поддержать Тиберия, понимая, что республике нужна железная рука, но его страшил двуличный и жестокий нрав полководца. А если к власти придёт Агриппа Постум... мальчишка... то все легионы в провинциях восстанут

и вновь пойдут войной на Рим. Из двух зол нужно было выбрать наименьшее, то есть Тиберия. Но все друзья Мецената ненавидели наследника и были уверены, что Меценат поддержит их и деньгами, и авторитетом первого вельможи Рима. А он, на словах согласный с ними, в душе был против, и поэтому с досадой воспринимал своё поведение, как предательство. И обещал себе, уже в который раз, прямо изложить перед друзьями свою точку зрения. Но... Меценат со вздохом развёл руками.

Впереди скрипнул песок под чьими-то ногами, и сенатор поднял голову. Навстречу ему шёл, приветственно подняв правую руку, иудейский принц Филипп, сын Ирода Великого, который за год до своей смерти изгнал Филиппа из страны, подозревая его, как и прочих сыновей в заговоре с целью захвата царского престола и убийства своего отца, и лишил его наследства. Рядом с принцем шла Иродиада внучка Ирода юная жена принца, которая давно полюбила простоту римских нравов. Она в упор, не обращая внимания на мужа, рассматривала молодых мужчин. При виде Иуды, жена Филиппа быстро шагнула к нему и погладила его по щеке.

– Ах, какой хорошенький иудейский мальчик. Меценат, если он твой раб, то подарь мне его.

Иуда, потрясённый тем, что его называли рабом и тем, что женщина посмела прикоснуться к нему так, как могла это сделать только мать, в дикой ярости отшвырнул руку принцессы, воскликнул:

– Женщина, ты сосуд греха! Знай своё место!

Иродиада отступила назад, и с глазами, полными слёз, прижимая руки к груди, в которой она ощутила боль, с надломом в голосе воскликнула:

– Ну, моисеевский грубиян, я тебе этого никогда не прощу!

И она, словно ища поддержки, обернулась к Филиппу, но тот сильно хлопая себя по ляжкам, залился беззвучным смехом. Он любил свою жену, но боясь прослыть смешным, делал вид, что не замечал её кокетства, измен, которые она никогда не скрывала от него. А теперь, увидев потрясённое гневом и обидой лицо Иродиады, он вмиг почувствовал облегчение, оживлённо спросил Мецената:

– Свободнорождённый ли этот подросток?– и, получив утвердительный ответ, с удовольствием обнял Иуду за плечи. – Маленький иудей, приходи ко мне в дом. Ты всегда будешь желанным гостем.

После этого Филипп более чем, когда-либо размашисто жестикуюлируя руками, весело заговорил с Меценатом. И они направились в театр. А Иродиада, идя рядом с Иудой, смотрела ему в лицо, с досадой отмечая его безупречную красоту. Торопливо придумывала планы мести, один ужаснее другого. И вдруг, перечисляя эти планы, она захотела поцеловать изящные губы маленького иудея. Иродиада улыбнулась. Другие чувства захлестнули её душу до такой степени, что ощутила дрожь во всём теле.

Едва Меценат вступил в театр, как все, кто находился в ложах и по бокам от сцены, встали на ноги и встретили его мерными греческими аплодисментами и криками приветствия.

Иуда восторженно смотрел на своего господина и замирал от счастья, что он будет служить такому важному вельможе, и мысленно умолял его, чтобы он приказал Иуде что-нибудь сделать для него. И не сразу подросток заметил пылкий взгляд Иродиады. Внимание принцессы смутило Иуду. В своей стране он привык к тому, что женщина никогда не отрывала взгляда от земли, не смела заговаривать первой даже со своим мужем.

Когда Меценат возлёт на ложе, Иуда занял место возле его головы, не спуская с него влюблённых глаз.

Это был день и час, когда Меценат раздавал стипендии начинающим поэтам, художникам, музыкантам и артистам– всем, кто решил связать свою судьбу с миром искусства. Для получения стипендии претендент должен был показать сенатору и его друзьям, которые составляли жюри, свои лучшие произведения. Впрочем, никто из соискателей щедрот Мецената не

уходил без награды. Но для того, чтобы стать постоянным стипендиатом, нужно было создать нечто, указывающее на одарённость претендента.

Ложи жюри располагались полукруглым амфитеатром под открытым небом перед сценой. И когда в них начали размещаться друзья Мецената, то в это время появился запыхавшийся Луций Сенека, уже известный в Риме философ и драматург. Сейчас его лицо было перекошено гневом, а венки, что прикрывал его раннюю лысину, были сбиты на сторону. Час назад Сенека решил пешком пройти по улицам Рима, чтобы вкостить сладкую пищу своей славы, но как назло впереди него появился модный поэт Катулл, по мнению Сенеки: ничтожный поэтишка и глупый малокопос. Так вот народ...это скопище пороков! при виде молодого поэта пошёл за ним толпой и прославлял его дикими, аморальными стихами. Народ кричал во всё горло, не замечая более достойного, но менее привлекательного лицом и сложением тела Сенеку, который едва-едва сдерживал свой гнев, готовый закричать богохульные проклятия в адрес презренного и глупого римского народа, что не умел заметить истинный талант!

И вот теперь, находясь в сильнейшем раздражении, Сенека с презрением оглядел претендентов на стипендии. Он всегда был против того, чтобы в Риме, как грибы плодились бездарные поэты, и не одобрял щедрость Мецената. Сенека занял место рядом с Меценатом и, шумно сопя носом, уткнулся в свиток. Сенатор сделал знак глашатаю, и тот, выйдя на середину сцены, громогласно объявил:

– Вергилий Марон из Мантуи, римский гражданин. Комедия «Приключение раба».

Вергилий, похожий на подростка, в тоге взрослого юноши, с тёмными кругами вокруг глаз, дрожа коленями, стоял в толпе таких же, как он кандидатов, и мечтал о тихих и малолюдных улицах родного города. Он прибыл в Рим несколько дней назад. И в первые минуты был потрясён величием города, оглушён непрерывным шумом и криком, суетой и быстрым темпом жизни людей. Все его честолюбивые мечты мгновенно растворились в душе. Он хотел найти спокойное место, где бы можно было передохнуть. Но вот на его пути появился добрый человек с щедрой улыбкой, который за круглую сумму в сто сестерциев (это всё, что было у юноши) открыл ему тайну: как добиться щедрот Мецената. Сенатор любил комедии о рабах и сладострастных матронах, о плешивых мужьях, которых обманывали супруги. А потом показал: как пройти в сады Мецената. Вергилий подалше спрятал в мешок свои стихи. Вергилий поселился на постоялом дворе и всю ночь сочинял комедию, хотя, являясь поэтом, всегда относился к ним с пренебрежением.

Едва глашатай объявил его имя, как он быстро вышел на сцену и развернул свиток папируса. И, не отрывая взгляда от строчек, трепеща в душе от того, что на него смотрели столь великие люди, медали, с профилями которых, он рассматривал с детских лет, тонким голосом прочёл:

– Комедия «Приключение раба»...

Сенека, раздражённый тем, что юноша был слишком молод, подпрыгнул на ложе и возопил, указывая пальцем на Вергилия:

–Только вчера на этом же месте такой же подросток – возможно, это был ты! – читал нам комедию «Приключение раба»!

У Вергилия заметно дрогнули колени. Он поднял развёрнутый свиток так, что закрыл им своё лицо от экзаменаторов и, собрав все свои силы души и мужество, отчаянно крикнул:

– Комедия из трёх действий!

– Да, – с сарказмом откликнулся Сенека, дрыгая ногами,– первое действие мы уже видели.

– Действующие лица: хитрый раб.

– Ага, – пробормотал философ, – а вторым у него будет: добрый раб.

– ... добрый раб! – обескураженный подсказкой, крикнул Вергилий, ещё более дрожа коленями.

В ложах прозвучали смех и аплодисменты.

– ...опытная в любовных делах матрона...

Наступила тишина. Все с интересом начали смотреть на тощенького и очень юного писателя.

– ...опытный в любовных делах государственный муж... – уже более уверенно прочитал Вергилий и, заметив, что в следующей строчке есть небольшая дырка в папирусе, он глянул через неё и, найдя в ложе прямо перед собой сердитого философа, продолжал говорить, не спуская с него взгляда: – ...Маленький, лысый, с крючковатым носом, зловредный друг государственного мужа, который уже не хочет женщин...

По ложам прокатился звук смеха. Все посмотрели в сторону Сенеки. Его внешний облик был похож на героя комедии. Сенека в замешательстве пожал плечами и откинулся на ложе. А Вергилий, посчитав себя вполне отомщённым, добавил:

– ...но справедливый. А в конце комедии оказывается добрым.

–Хоть этим порадовал, – сказал философ под хохот друзей

После перечисления героев комедии Вергилий, разгорячённый и потный, начал торопливо читать своё произведение, но оно было скучным и не натуральным. Все герои говорили, как боги, и обильно цитировали возвышенные, грустные стихи о любви. Члены жюри откровенно зевали, беседовали друг с другом. Сенека язвительно фыркал и, разводя руками, кричал:

– А где же юмор?! И где нужно смеяться?

Меценат со вздохом перебил юношу:

– Вергилий, хорошо. Остановись.

Но тот, понимая, что если сейчас не дочитает комедию до конца и не убедит этого вельможу в том, что он, Вергилий Марон имеет великий талант писателя, то ему придётся бесславно вернуться домой. Ужасаясь от этой мысли, Вергилий пронзительным голосом продолжал читать, но Меценат был неумолим. Он сильно постучал ладонью по столу.

– Довольно, довольно, Вергилий. Ты утомил нас. – И он уже сделал знак секретарю, чтобы тот наградил юношу деньгами, однако в последний момент остановил руку и обратился к растерянному Вергилию: – Мне не знакомы те стихи, которые ты цитировал. Чьи они?

– Это мои стихи...

– Они хороши.

– Да, я знаю, потому что мне покровительствуют боги.

Сенека вновь подпрыгнул на ложе и язвительно вскрикнул:

– Никак ты хочешь стать первым среди первых во Вселенной?

– Да. Ради этого я и приехал в Рим, – просто и скромно, потупив взгляд, ответил юноша.

Меценату понравились слова Вергилия, и он, сделав одобрительный жест в его сторону, сказал:

– Прочитай свои лучшие стихи.

И Вергилий начал декламировать лирические элегии, полные нежности и наивности, воспевающее первое любовное чувство. Жюри ответило аплодисментами. Восхищённый Меценат готов был спуститься на сцену и расцеловать юного поэта, но боясь избаловать мальчишку и тем погубить его талант, он ограничился только одобрительным кивком головы.

– Вергилий, я даю тебе виллу в удалённой от дорог местности. Там ты сможешь спокойно писать стихи, не испытывая ни в чём недостатка.

Юноша в полной растерянности пошатнулся. Он, направляясь в Рим, мечтал о блестящей жизни поэта, полной удовольствий, пиров, красивых женщин, а его направляют в деревню!!!

Разочарованный, с глазами полными слёз, он смотрел себе под ноги и слушал Мецената.

– Деньги я тебе пока не дам. В твоём возрасте вредно их иметь. Женщины, вино, кости могут погубить твой дар... – но тут Меценат, подумав, что огорчённый мальчишка мог сбежать

домой, мягко добавил: – Через два месяца я пошлю за тобой, и мы поговорим о твоей дальнейшей судьбе. А теперь иди.

И он дал знак глашатаю: вызвать на сцену следующего кандидата на стипендию.

Глава шестая

Вергилий шёл по улице Рима с заплаканным лицом и сознавал себя глубоко несчастным от того, что ему нужно было покинуть город, возможно, навсегда. Он попытался сочинять стихи, и его воображение, столь буйное ещё вчера, осталось немым. Юноша в страхе от этого, едва не вскрикнул и начал торопливо соединять разрозненные мысли в поэтические, но они были настолько скверные, что Вергилий всё более и более впадал в уныние. Он уже не верил, что однажды мог создать что-нибудь равное прошлым своим стихам. Поэт сердился на себя, проклинал и умолял, но ничего не помогало. И его огорчённые вздохи стали похожи на вопли.

А между тем, романтическая внешность Вергилия привлекала к нему внимание, как целомудренных дев, так и блудниц, которые вставали на его пути и хватили его за руки. А те, кто находился в носилках, бесцеремонно втягивали Вергилия к себе наверх, на подушки. И он, ещё не знакомый с нравами Рима, считая, что его путают с кем-то другим, вырывался из крепких объятий девушек и бежал в более тихие улицы, погружённый в свои горестные размышления. На одной из улиц Вергилия остановил зазывала, дёрнув его за тогу, и торопливо подталкивая юношу в сторону распахнутых дверей дома, сказал, что здесь чародеи из Египта показывали действие из загробной жизни, восстание из мёртвых...

Вергилий позволил зазывале уговорить себя, и полный любопытства вступил в сумеречный зал, слабо освещённый масляными плашками, где уже сидели на лавках человек двадцать перед пустой сценой. Вскоре на неё вышел обнажённый эфиоп в набедренной повязке с кадилом в руке. Позёвывая, делая угрожающие гримасы и вращая глазами, эфиоп начал кадить в сторону сидящих людей. Где-то за сценой начали раздаваться ритмичные удары барабана, тонко запела свирель. Зал наполнился запахом сладких африканских благовоний. Эфиоп, скаля белые зубы, что-то крикнул на своём языке. Рядом с ним появилась очаровательная тонкая египтянка. Блистая обнажённым телом, умашённым маслом, приплясывая, трясая грудью и бёдрами, она пошла в зал, держа перед собой круглый поднос, на который зрители опускали свои монеты. Иногда египтянка останавливалась и сладострастно вздыхала. Римляне становились щедрее, а их руки – смелее. Эфиоп, махая кадилом, внимательно следил за девушкой и одобрительно качал головой. Но вот египтянка заметила Вергилия и сразу остановилась, поедая юношу взглядом огромных глаз.

Эфиоп гортанно крикнул и подался телом вперёд, угрожающе кидая кадилом. Но египтянка, не обращая внимания на артиста, шагнула к юноше. Эфиоп сильным жестом простёр руку в сторону девицы и разразился яростным воплем. Та дёрнула плечами и, повернув к нему голову лицом, ответила не менее яростно, а потом, взяв оторопевшего Вергилия за руку, повела его за собой и посадила в дальнем и тёмном углу зала. Села рядом с ним и впилась в его губы своими губами, а руку запустила под его тогу. Эфиоп несколько секунд, разинув рот и замерев в напряжённой позе, глядел то на египтянку, то на Вергилия, затем с бешеным рёвом швырнул кадило себе под ноги и потряс над головой кулаками. Казалось, он был готов наброситься на юную пару, но в это время из глубины сцены вышел, закутанный с головы до ног в жёлто-голубое одеяние египтянин и сильным ударом сбил эфиопа с ног. А потом под аплодисменты зрителей пинками прогнал его со сцены, после чего посмотрел на девицу и, указав на неё пальцем, что-то властно сказал. Та подошла к чародею, бросила поднос с деньгами ему под ноги и убежала в глубину сцены. Египтянин проводил девицу холодным взглядом и пошёл следом за нею. За пологом раздались звонкие пощёчины, визг, крики и глухое падение на пол. Зрители, не обращая на это внимания, закусывали принесённую с собой еду и терпеливо ждали обещанное представление.

Занавес приоткрылся, и вперёд прошли рабы, неся носилки, укрытые серыми покрывалами. Едва рабы опустили носилки на сцену и убежали, как вновь загремели барабаны и появился египтянин с застывшим, холодным лицом. Он медленно шёл на зрителей, протянув к ним руки и глядя в зал. Люди перестали жевать, замерли, иные торопливо вынимали из ртов куски, чтобы дожевать потом. От взгляда чародея и непрерывного боя барабанов, у Вергилия на душе стало тревожно. Он почувствовал, как учащённо бьётся его сердце в груди, по спине пробежали мурашки, а капли пота, скользнув со лба, начали щипать его глаза. Вергилий торопливым жестом руки смахнул пот с лица и крепко вцепился пальцами в скамейку. Юноша била нервная дрожь, и он боялся упасть на пол. Между тем, египтянин обратил свой взгляд на ближние к нему носилки и начал осторожно простирать к ним свои руки. Край покрывала шевельнулся... В зале смолкли разговоры и стихло чавканье. Все зрители замерли в напряжённом ожидании.

Покрывало вновь шевельнулось и стало сползать с носилок, обнажая мёртвое тело человека. Египтянин вынул из-за пояса меч и вонзил его в грудь мертвеца, а потом, подняв над собой сведённые в замок руки, изгибаясь в конвульсиях, исторг дикий, громовой вопль. Лицо чародея исказила страшная гримаса.

В наступившей тишине все услышали скрип и хруст, а через мгновение увидели, как мертвец начал медленно подгибать ноги и, помогая себе руками, садиться в носилках, а потом, послушный воле чародея, повернул своё лицо в сторону зала. В зале раздался тонкий, дребезжащий смех. Люди начали шумно двигаться и елозить на скамейках, постукивать по ним кулаками, разговаривать. А мертвец уже поднимался на ноги. На его теле зияли огромные раны, голова его была наполовину разрублена.

Кто-то, сидя за спиной дрожавшего Вергилия и сильно колотя ногами в пол, громко сказал:

– Это обман! Он живой!

Египтянин бросил на него яростный взгляд, а затем вырвал из груди мертвеца меч и стремительным ударом отсек труп головы, после чего сильным жестом указал пальцем в зал и властно крикнул:

– Иди и обними его!

Мертвец шагнул вперёд, и люди затряслись, в изумлении глядя на идущего к ним безголового человека. А секунду спустя, с пронзительными воплями, давя друг друга и ломая скамейки, помчались к выходу, слыша за спиной громкий хохот чародея.

Когда Вергилий остановил свой бег в пустынной улице и, уже смеясь над своим страхом, хотел оглянуться назад, но тут чьи-то пальцы крепко вцепились в его волосы. Юноша с визгом дёрнулся вперёд и, отскочив к противоположной стороне улицы, готов был помчаться дальше, но заметил, что его преследовала в носилках очаровательная девица, та, которую он видел в театре – египтянка!

Она нежно улыбнулась ему и, выждав немного пока Вергилий не пришёл в себя, раскинулась на подушках в соблазнительной позе, обнажив деликатные части своего тела. Юноша, не отводя от неё восхищённых глаз, ощутил некоторое неудобство: его тога чуть ниже пояса заметно оттопырилась. Он торопливо сжал руки замком внизу живота и покраснел: ведь египтянка всё видела!

Она с удовольствием рассмеялась и сделала ему пальчиком.

– Иди сюда, глупенький!

Он нерешительно подошёл к носилкам и, не зная, что делать дальше, спросил:

– Ты что-то хотела мне сказать?

– Ну, конечно. Забирайся быстро!

– Я только на секунду... узнать: зачем ты позвала меня... и тотчас уйду.

Она втянула Вергилия в носилки и, едва задёрнула занавески, как рабы торопливым шагом понесли их по улице.

– Сними свою тогу. Покажи себя.

– Я поэт...

– Ну, а я поэтесса. Одна из самых лучших в Риме.

– Ты шутишь?

– Нет. И ты сейчас убедишься в этом. Дай руку. Положи её сюда, а теперь... сюда... и сюда ниже. Видишь, как всё дрожит?

– Я уже не могу.

– Подожди, не спеши.

Она, сладко вздыхая, отодвинулась от Вергилия и, прикрыв своё трепещущее тело его тогой, не отрывая от юноши расширенных глаз, подняла крышку небольшого ящика, вынула кувшин с вином и две чаши. Нервно смеясь и проливая вино себе на грудь, египтянка быстро наполнила чашу и протянула её Вергилию, потом наполнила свою чашу. Они, стуча зубами о края чаш, выпили, глядя друг другу в глаза, как люди, которых связывали тысячи уз и жизнь которых бесценна друг для друга.

Вино и кровь ударили в голову юному поэту. Он был полон безумного чувства к лежавшей перед ним соблазнительной египтянке. Его свободная рука скользила по её горячему телу, которое бурно откликалось на каждое прикосновение к нему, и тем самым, возбуждая в Вергилии, ещё большее желание. Она вновь отстранилась от него.

– Нет – нет. А то я своим криком подниму весь Рим. Нам придётся подождать. Это недалеко. Я снимаю дом у одного вольноотпущенника.

Она, фыркая, приоткрыла занавеску и очаровательно кивнула головой в сторону шумной многолюдной улицы, по которой её рабы с трудом пробивали себе дорогу. Египтянка, словно по рассеянности, отпустила руки Вергилия, и тот вновь погрузил свои пальцы в её податливое тело, которое покорно устремилось навстречу его ласкам.

Внезапно уличный шум затих. Рабы опустили носилки. Египтянка вскочила на ноги. Обезумевший от чувств Вергилий с трудом отметил, что они находились в богато убранном доме, похожем на дворец.

Перед ними стоял, невозмутимо глядя поверх голов обнажённой пары молодых людей, толстый человек. Египтянка схватила руку Вергилия и, увлекая его на лестницу, крикнула через плечо:

– Дециум, приготовь нам хороший обед и ужин и принеси наверх!

Едва они вбежали в спальню, как египтянка сильно толкнула Вергилия на ложе, встала над ним и, глубоко вздыхая, начала медленно опускаться на тело юноши, вбирая свой плотью его плоть, трепеща всем телом и откинув голову назад. Когда она опустилась на Вергилия, из её бурно вздрагивающей груди исторгся пронзительный и оглушительный крик.

Пока они торопливо утоляли своё чувство, Дециум вместе с рабами принесли и расставили на столиках рядом с ложем всевозможные кушанья и тихо исчезли за дверью.

Слегка утомившись, любовники плотно поели, а потом вновь предались любовным утехам. Но более продуманно и утончённо. Вергилий забыл, что он поэт, забыл всё на свете и ничего не хотел кроме созерцаний и объятий трепетной египтянки.

Потом она, утомлённая и уставшая, с нежной улыбкой на лице, милостиво позволила ему тщательно и внимательно рассматривать себя. Задерживала руки юноши там, где они доставляли ей более сильно наслаждение.

Незаметно для них закончился день, и наступила ночь. За окном вдали где-то зазвучал топот ног, потом раздался женский крик: «Помогите! Помогите!»

Египтянка порывисто вскочила с ложа и метнулась к окну.

– Я люблю смотреть, как убивают людей! Вот так ночью, неожиданно!

Вергилий тоже выглянул в окно. В лунном ярком свете хорошо была видна пустынная улица, по которой, изнемогая от усталости, бежала женщина. За ней, быстро настигая, мчались трое мужчин. Вот она запнулась, упала и, приподнявшись, покорно подставила спину убийцам, вжав голову в плечи. Над ней блеснули кинжалы, и женщина затихла у ног убийц. Один из них негромко обратился к старшему:

– Манасия, что будем делать с семенем предателя?

Тот с удовлетворённым вздохом распрямился, утёр со лба пот и, задумчиво глядя на то, как от мёртвого тела растекается по сторонам лужа крови, с досадой в голосе сказал:

– Пока нам его не достать. Но вы двое, Захарий и Ефрем, будете следить за ним и в удобный момент... – он резко махнул рукой перед своим лицом. – А если вы узнаете, что он решил вернуться в Иудею, то охраняйте его, как зеницу ока. Для меня.

Манасия рывком поднял голову и посмотрел вдоль улицы, в глубине которой зазвучали шаги многих людей и бряцанье оружия.

– Сюда идёт стража. Спрячьте её в тень. Быстро.

Египтянка оторвалась от подоконника и, раздувая ноздри, сверкая глазами, восхищённо прошептала:

– Как хорошо.

Она страстно кинулась в объятия Вергилия, и они вновь вернулись на ложе и с неистовым пылом предались любовным утехам.

Между тем, группа людей, что шла к месту убийства, остановилась против дома, где находились любовники, и кто-то, подойдя к дверям, сильно ударил по ним молотком.

– Дециум, открой!

– Кто там? – дрогнувшим голосом откликнулся вольноотпущенник.

– Это говорю тебе я, твой господин Гортензий Флакк.

Двери с шумом распахнулись, и любовники услышали, что сенатор быстро прошёл в зал, грубо спросил:

– В доме кто-нибудь есть?

– Только рабы, господин.

– Хорошо. Иди на улицу и следи...

– За кем, господин?

– За улицей, осёл!

Египтянка взяла за руку Вергилия и, попросив его быть осторожным, тихо, на цыпочках шагнула в соседний зал, в котором, как и в крыше здания, был квадратный проём над бассейном. Вдоль этого проёма стояли кадки с цветами. Любовники заглянули вниз и увидели сенатора, который собственными руками зажигал светильники и ставил их на бортик бассейна рядом с тремя плетёными креслами. Внизу Гортензий обернулся, подошёл к статуе Юпитера и простёр к богу руки.

– Всё своё состояние я положу на твой алтарь, но дай мне удачу!

На пороге появился перепуганный Дециум.

– Господин, сюда идут.

– Пускай идут. А ты стой на улице и гляди в оба глаза.

Гортензий повернулся лицом к входу и глубоко вздохнул. В зал стремительной, лёгкой походкой вошёл Август и визгливо закричал:

– Гортензий, я пришёл сюда только потому, что знаю: ты честный гражданин. И если предашь, то сам объявишь об этом заранее с Форума!

Сенатор утвердительно кивнул головой.

– Да, Цезарь, я так и сделаю.

И он указал рукой на кресло, но Август, внимательно следя за каждым его движением и подозревая сенатора во всех смертных грехах, остановился у бортика бассейна в том месте, где их разделяли два кресла.

– Я слушаю тебя, Гортензий.

– Цезарь, я не могу открыть тебе тайну до тех пор, пока ты не прикажешь своим преторианцам покинуть дом.

Август в театральном изумлении обернулся к выходу.

– Эй, кто там! Я не просил охранять меня в жилище моего друга! Всем выйти во двор!

Едва тяжёлые шаги преторианцев затихли в противоположном конце дворца, как Гортензий отступил к малоприметной двери, распахнул её, протянул руку в тёмное помещение и вывел в зал рослого, широкоплечего юношу, голова которого была тщательно закутана плащом.

Август вздрогнул при виде незнакомца и, почувствовав слабость в ногах, оперся руками на спинку кресла.

– Кто это?

– Твой сын Агриппа Постум.

Молодой человек рывком сорвал с себя плащ и несколько секунд вглядывался в растерянного старца, а потом с криком: «Отец! Отец! Не убивай меня!» – бросился ему в ноги и начал покрывать их торопливыми поцелуями.

Потрясённый принцепс выставил вперёд ладони, словно защищаясь, и хотел отступить назад, но упал на спину и с гримасой боли и страдания на лице, с глазами полными внезапных слёз обхватил сына за плечи. Встал перед Агриппой на колени и прижал его к своей груди.

– Мой маленький, бедный сын. Я предчувствовал, что ты здесь... – он благодарно взглянул на Гортензия, – Я благодарю тебя, мой друг, что ты нарушил мой приказ и дал мне возможность увидеть моего мальчика.

Принцепс и его узник стояли друг перед другом на коленях и, обливаясь слезами, восклицая бессвязные слова, целовали друг другу руки.

– Сын, прости мне мою жестокость. Я плохой отец.

– Нет-нет, ты не жестокий, – протестующее затряс головой Агриппа. – Я помню, как однажды в детстве я упал с коня. Вывихнул ногу. После этого я пугался темноты, а ты сидел рядом со мной день и ночь и развлекал меня сказками.

– Так ты не забыл на острове Планазия?

– Я вспомнил всё! – С отчаянием в голосе ответил Постум и прижался головой к груди отца.

– Что же ты ещё вспомнил, маленький мой мальчик? – ласково спросил Август.

– Как ты мне вытаскивал зубами занозу из ноги, а я брыкался и хохотал, и выбил тебе зуб.

Август счастливо рассмеялся, и они, плача, сжали друг друга в объятиях. Несчастный отец отстранился от сына и с ужасом глянул на него, обхватил свою голову дрожащими руками и со стоном закачался.

– О, боги, что я наделал. Ведь я обрёл тебя на смерть.

Вперёд шагнул Гортензий и, кашлянув в кулак, негромко сказал:

– Цезарь, ещё не поздно всё исправить. И позволь мне сказать...

– Говори, мой друг.

– Постум за последние два года вёл умеренную, скромную жизнь.

– Я знаю.

– Он много раз пытался покончить самоубийством...

– Знаю, знаю.

– ...но не потому, что Постум в свои восемнадцать лет пресытился жизнью. А из стыда за позор, нанесённый тебе, Цезарь.

Август сильным движением руки остановил Гортензия. Сел в кресло и посадил рядом с собой юношу. Сенатор отступил в глубину зала, к статуе Юпитера и, обняв ноги олимпийского бога, замер.

Наступила тишина. В эту минуту в душе Августа столкнулись холодная рассудочная идея умного, дальновидного политика с чувством любящего отца. Вот на одной стороне жизнь республики, а на другой ... жизнь сына. Что победит?

Ах, если бы Юлия и Постум хитрили в своей любви к нему, то у него было бы хоть маленькое оправдание перед своей совестью отца! Но как раз эти двое были самыми искренними с ним в своём постоянном преклонении и любви к нему и в детстве и в юности. И он всегда помнил об этом, и мучился от того, что вынужден был сослать их на далёкие острова. «Разумеется, Тиберий не пощадил бы Постума, если объявить их соправителями... Мальчишка глуп, но тем он и дорог сердцу отца...»

Август прижался щекой к голове сына и задумчиво сказал:

– А если назначить в завещании Постума наследником?

– Да, Цезарь, – тихо откликнулся Гортензий, – если тебе дорог сын. Ведь ты знаешь Тиберия.

– Мне нужно подумать в спокойной обстановке.

Гортензий выскочил из-за статуи и протестующе махнул рукой.

– Нет! Не обманывай себя! Ты не бросишь сына в пасть зверя!

– Ты хочешь, чтобы я переписал завещание?

– Да. Прямо здесь, сейчас. А утром я сам зачитаю его в курии перед Правительством, потом перед народом и отдам в храм Весты.

Август опустил голову. Теперь, чувствуя рядом с собой живую плоть сына, он был готов на всё лишь бы дать ему долгую жизнь. Этот юноша с простодушным лицом был дороже Августу всей республики.

Принцепс сильно ударил себя кулаком в грудь

– Я отец, и я прав!

Гортензий торопливо принёс из угла стол, вынул из-под тоги пергамент, чернильницу, кисть. Разложил всё перед Августом и встал за его спиной.

Принцепс начал писать. Его суровое лицо выражало твёрдую непоколебимую волю.

За окном наступил рассвет.

Закончив составление документа, Август свернул пергамент и отдал его Гортензию.

– Сегодня, в восемь утра ты огласишь моё завещание перед Правительством... – он иронично pokrивил губами, -...ну, а Тиберий с его дурацкой манерой играть пальцами отправится в вечную ссылку на свой любимый остров Родос. – Он обнял сына и погладил его по голове. – Мальчика пока спрячь в садах Мецената. Я боюсь и Ливию.

Когда все покинули дворец, египтянка обернулась к дрожащему Вергилию . и он увидел на её лице загадочную улыбку.

– Я забыла сказать тебе: кто я.

– Кто же ты?

– Меня зовут Юлией –младшей.

– А кто твой отец?

– Мой отчим Тиберий Нерон Агенобарб, сын Цезаря.

– О!

– А мой дед Август Цезарь...И вот прекрасный случай для мести.

– Какой мести? И кому?

– Цезарю за мою мать Юлию – старшую, которую он сослал на остров.

– Но разве Тиберий сможет что-нибудь изменить?

– Не знаю, – ответила Юлия, рассеянно глядя вокруг себя.

Вергилий был поражён тем, что он узнал страшную тайну республики. Ему хотелось как можно быстрее убежать вон из этого дворца, из Рима в ту далёкую виллу, которую ему подарил Меценат. Юноша задыхался от страха и волнения.

Юлия восхищённо посмотрела на свои изящные, тонкие руки.

– Я хочу насладиться борьбой этих сильных людей. Их судьба в моих руках.

Она с презрением посмотрела на дрожащего Вергилия и почувствовала, как в её душе всё сжалось от того, что он уже тяготился своим присутствием рядом с нею и уже не помнил, кем они были друг для друга всю эту ночь. От мучительного сознания, что она брошена каким-то ничтожным поэтом, Юлия пришла в ярость и сжала кулачки, но, вспомнив его пылкость, трогательную нежность, неопытность и искренность чувств, она улыбнулась и потянула его руки к своему телу. Но Вергилий продолжал трястись от страха и безумно глядеть прямо перед собой.

Юлия разочарованно вздохнула. На её прекрасных глазах заблестели слёзы. Её голос дрогнул, когда она сказала:

– Мы, разумеется, встретимся, не правда ли?

Он ничего не ответил, погружённый в свой страх.

Они оделись и спустились вниз. Юлия, уже сидя в носилках и держа Вергилия за руку, торопливо оглядывала его лицо, ища в нём прошлое чувство. По её бледным щекам катились крупные капли слёз. Она медленно размазала их пальцами по лицу.

– Ну, поэт, беги писать свои стихи.

И Вергилий, облегчённо вздыхая, вмиг ощутил в душе лёгкость и помчался прочь по пустынной улице... навстречу всемирной славе, чтобы уже через год вернуться в Рим и увидеть на дальних подступах к городу десятки тысяч римлян, которые в экстазе обожания встречали юного поэта. И самые красивые женщины день и ночь будут ждать его выхода из дома, чтобы поцеловать на дороге следы его ног... Это будет... Так значит: слава трусости, потому что она есть вечная память в сердцах людей, чем смелость, потому что она смерть и забвение...

Юлия, потрясённая тем, что он покинул её так просто, не пожав ей руку, не сказав ни слова, не одарив прощальным взглядом, со стоном отчаяния упала на подушки и, прижимая ладони к груди, кожа которой ещё хранила память о его ласках, вскрикнула:

– Но почему так больно?!

Глава седьмая

Тиберий всю ночь просидел в кресле, полный разных предчувствий и размышлений. И когда в комнате появилась Юлия, он поднялся ей навстречу, огромный с широкими плечами борца, навис над хрупкой, изящной фигуркой девушки, внимательно оглядел её покрасневшее от слёз лицо.

– Кто тебя посмел обидеть?

Та капризно дёрнула плечиком.

– Никто. Я сама себя обидела.

И, ненавидя весь мир – ведь ей больно! – так пусть же больно будет всем! Она с удовольствием рассказала Тиберию всё, что узнала во дворце Гортензия Флакка.

Тиберий, прикрыв глаза рукой, молча слушал, потом, оставшись один, он, поигрывая пальцами, зычным голосом позвал камердинера. И едва заспанное лицо просунулось в комнату из-за двери, полководец спокойно сказал:

– Дай панцирь, два меча и яд. И позови Фрасилла.

Когда камердинер скрылся, Тиберий подошёл к столу и щелчком пальца сбил на пол тяжёлый бронзовый светильник. В комнату вбежал полуодетый астролог Тиберия Фрасилл и замер за спиной своего патрона. Тиберий указал рукой на светильник.

– Я только что подумал о том, что меня ожидает сегодня, как вдруг он опрокинулся...

– Тиберий, клянусь богами, но это прекрасный знак!

Полководец встрепенулся. Его лицо оживилось, и он в сильнейшем возбуждении протянул руки к астрологу.

– Говори!

Астролог выдержал небольшую паузу, чтобы прийти в себя после глубокого сна и обратиться с мыслями. Он уже понял, что его господину грозила смертельная опасность.

– Скажи, Тиберий, огонь погас сразу?

– Да, едва треножник упал на пол.

– Тогда слушай... Огонь – это война, враги, которые подняли против тебя оружие. И вдруг треножник – а это символ, твой покровитель среди людей или богов – бросает огонь тебе под ноги, чтобы ты растоптал его... и сам гаснет!

Тиберий ликующе вскрикнул и сорвал с шеи золотую цепь и протянул её Фрасиллу.

– Если всё будет так, как ты сказал, то клянусь тебе: ещё сегодня ты будешь купаться в золоте!

Он быстро надел поверх туники панцирь. Взял в руки два меча – вот верные его друзья, с которыми он многократно выходил впереди своих легионов на врага. Потом Тиберий, колеблясь, принял от камердинера крупный перстень с тайником, где лежали кристаллы быстро действующего яда. Резким движением Тиберий всунул в кольцо крупный палец, накиннул на себя тогу и стремительным, тяжёлым шагом направился к выходу.

В это раннее утро, как и всегда на Священной дороге – улице, на которой в одном из государственных домов жил Тиберий, бродили взад и вперёд пролетарии, ожидая появления богатых граждан. Увидев полководца, идущего с небольшой группой слуг и клиентов, один из пролетариев рванулся к нему навстречу, схватил его за руку и торопливо сказал:

– Тиберий, вчера над твоим домом кружил орёл.

Полководец оживлённо притянул к себе грязного пролетария.

– Где же он сел?

– Он полетел на Палатинский холм. Люди говорят, что он сел на дворец Августа.

Тиберий чуть повернул голову лицом назад и сказал слугам:

– Дайте ему сто... нет, пятьдесят... довольно и двадцати сестерциев

Солнце уже поднималось над горизонтом. Его красные лучи упали на крыши домов.

Тиберий бегом поднялся по крутой дороге на Палатинский холм, на котором находилась крепость, построенная Ромулом, и где в этот утренний час лишь кое-где виднелись группы зевающих преторианцев. Быстро проходя мимо колонн храма Юпитера Благого и Великого, Тиберий ещё раз решил испытать свою судьбу. Он вбежал под высокие своды храма и, наполнив огромный зал грохотом своих шагов, устремился к жертвеннику. Там несколько жрецов разделяли на части крупного быка. Жрец-гадальщик, стоя перед столом, на котором лежали внутренности животного, в изумлении перебирал их, словно ища что-то. Он обернулся на шум шагов и, с трудом скрывая волнение, сказал:

– Тиберий, ты пришёл первым. Значит, это несчастливое знамение для тебя.

– Какое знамение?

– У жертвенного быка не оказалось сердца!

Тиберий испуганно отшатнулся назад, но тут же, собрав свою волю в кулак, с презрением воскликнул:

– У меня будет всё хорошо, если я того пожелаю! А в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет. На то она и скотина!

И он, оставив жреца-гарусника в полном изумлении, досадуя на себя, что заглянул в храм, бегом помчался во дворец Августа, к своей матери Ливии. В этот год Ливии исполнилось шестьдесят пять лет, но она ещё сохранила стройность фигуры и былую красоту лица. И была, как всегда энергична и деятельна. Проведя бессонную ночь за весёлой пирушкой в окружении придворных, она под утро решила развлечься игрой в кости.

Едва на пороге зала появился Тиберий, как тотчас Ливия почувствовала тревогу в душе и, сделав знак придворным: продолжать игру, неторопливым шагом вышла навстречу сыну. Он схватил её руку и прижал к своему лицу. Оно было мокрым от слёз. Ливия повела Тиберия за собой, приказав ему молчать.

Тиберий покорно шёл следом за ней. И чем больше он ощущал себя одиноким, окружённым врагами, тем больше у него пробуждалось чувства благодарности и нежности к своей властной матери, рядом с которой ему всегда было спокойно и беззаботно.

Когда они вошли в кабинет Ливии, Тиберий не выдержал и громко расплакался. Его огромное тело непрерывно сотрясалось от глухих рыданий.

– Август не любит меня и хочет убить! Я устал от постоянного страха быть отравленным или зарезанным во сне продажным рабом. И это уже десятки лет!

После короткого разговора со своим сыном Ливия немедленно отправилась к Августу по узкому тайному коридорчику, что соединял комнаты супругов.

Август лежал на деревянном ложе, на спине, прикрывая левой рукой, сжатой в кулак, глаза, а правой он резко жестикулировал в такт своим быстрым словам, которые записывал его секретарь на вощёных табличках острым стилетом. При виде супруги, Август замолчал и нахмурился. Сейчас ему менее всего хотелось говорить с Ливией: отвращение к её сыну вызвало в душе Августа неприязнь и раздражение к Ливии, а желание навсегда погубить Тиберия, заставляло принцепса чувствовать вину перед женой, которую он искренне любил. И это чувство вины перед нею приводило Августа в ярость! Он отвернулся от Ливии и в сильнейшей досаде на её внезапное появление, дрыгая ногами, пробурчал:

– Знаю...знаю зачем ты пришла.

Ливия с нежной улыбкой, оглядев тощенького мужа, который смешно, по-детски сучил ногами, похлопала в ладоши.

– Мне очень приятно, что мой любимый супруг знает мои мысли. Значит, ты согласен?

Август, гремя костями на деревянном ложе, стремительно лёг на другой бок и вперил в жену пронзительный взгляд.

– С чем это я согласен?

Ливия с чувственной грацией юной женщины подойдя к супругу, осторожным и мягким жестом поправила подушку под головой принцепса. Потом, легко касаясь пальцами, разгладила на его лице насупленные брови и заботливым движением рук одёрнула на Августе тунику. Он, уже досадуя на своё раздражение, виновато буркнул:

– Ливия, ты же знаешь, как мне приятно твоё присутствие рядом. Но сегодня я очень занят... Впрочем, ты хотела что-то сказать?

– Я уже сомневаюсь: угодно ли будет любимому супругу узнать об этом...

– Сядь на моё ложе...дай руки. А теперь, если ты хочешь вновь говорить о Тиберии, то я согласен...

– Нет-нет, я о другом. Ко мне только что обратились две юные гречанки благородного звания, искусные в любви, чтобы я представила их Цезарю...– и она многозначительно улыбнулась принцепсу.

Тот откинулся на подушку и оглушительно расхохотался, сильно стуча ладонями по ложу.

– Нет, Ливия, нет! Я давно заболел целомудрием! И боюсь, что эта болезнь привязалась ко мне навсегда! – Он схватил её за руки и со слезами благодарности на глазах воскликнул: – О, прекрасная моя супруга, как я счастлив, что боги подарили мне тебя!

Август начал целовать её изящные пальцы, она же, склонившись к нему, тихо прошептала:

– Я знаю: ты написал новое завещание.

Август со вздохом огорчения отвернулся от неё и пробормотал:

– Ливия, ты была бы прекрасней в тысячу раз, если бы не вмешивалась в мои государственные дела.

– Прости меня, Цезарь. Я ухожу.

– Да нет же, Ливия. Сядь рядом. Я для тебя не Цезарь, а друг.

Август коротким движением руки отпустил секретаря, вскочил с ложа, начал быстро ходить по комнате, вдруг он остановился напротив супруги.

– Откуда тебе известно про завещание?

Но тут же, не слушая Ливию, он махнул рукой, словно желая сказать: «Мне всё равно», забегал вновь по комнате. Ливия, сидя на ложе в покорной позе и кротко глядя на взволнованного Августа, напряжённо ждала его ответа. Наконец он сказал:

– Я не изменю завещание.

– Но ты мог бы на день – два воздержаться от его объявления перед Правительством.

– Зачем?

– Я ещё не нагладелась на твоего сына Тиберия.

Август посмотрел на песочные часы. Оставалось тридцать минут до заседания Правительства, которое Август назначил в храме Юпитера Благого. Потом он сильно хлопнул в ладоши. Вошёл секретарь.

– Как только Гортензий Флакк появится в Правительстве, то пускай мои ликторы немедленно окружают его и не позволят ему что-либо говорить или делать. Иди.

Август подошёл к Ливии, взял её за руку.

– Передай сыну, чтобы он шёл в храм Юпитера не по улицам крепости, а по подземному переходу. Я знаю, что против него существует составленный заговор. Тиберия могут убить в любое время.

Озабоченно морщась, он проводил супругу до коридора, а потом вновь хлопнул в ладоши. И едва секретарь появился в комнате, который, зная всё, и не думал выполнять приказ Августа, приказал:

– Префекта претория ко мне. Бегом!

Тиберий с факелом в руке торопливо спустился по осклизлым каменным ступеням в прохладное подземелье, которое он хорошо знал. И теперь, едва ли не бегом помчался по широкому коридору, считая повороты и ответвления ходов, взволнованный от предстоявшей встречи с Правительством.

Впереди звякнул металл. Полководец замедлил шаги, прислушался, но звук не повторился. И Тиберий, осторожно переводя дыхание и поглядывая в боковые коридоры, заспешил дальше. Едва он выскочил на подземную площадь, как увидел в свете факела стоявших полукругом преторианцев с обнажёнными мечами. За его спиной загрохотали шаги многих людей. Он обернулся. Преторианцы молча замкнули круг. Центурион с факелом вышел вперёд. Тиберий, с горечью говоря: «Отец, отец, ты всё-таки убил меня...» отбросил свой факел и выхватил из-под тоги два меча. Приготовился к последней своей битве.

Преторианцы робели, зная Тиберия, как одного из сильнейших фехтовальщиков республики и человека безумной отваги.

Тиберий яростно скользнул взглядом по подступающим к нему гвардейцам и поднял мечи.

– Нет же! Я не позволю вам зарезать меня, как последнюю крысу в этой норе. Не позволю!

Он резким движением ноги затушил горевший на полу свой факел. А потом с рёвом дикого зверя метнулся к центуриону, пронзил его мечом, выбил из его руки второй факел и, схватив слабеющее тело преторианца за ноги, в полной темноте, размахнулся им, как палицей, ударил по стене солдат. И тут же бросился вперёд, нанося вокруг мечами молниеносные удары, давя врагов туловищем, ногами. Он, как смерч прошёл через толпу, чувствуя холод претори-

анских мечей, что били ему в грудь, в спину, со всех сторон. Залитый кровью с головы до ног, рычащий, как зверь, полководец разорвал плотный круг врагов и помчался по коридору.

Когда он выскочил из подземелья в храм Юпитера и увидел рядом у входа нетерпеливо ждущих сенаторов, которые при виде Тиберия не смогли скрыть разочарованных лиц и жестов, он задрожал: все против него! «А разве раньше было иначе?»— подумал он, с трудом сдерживая хриплое дыхание и неловким движением пряча мечи под тогу.

Навстречу Тиберию вышел Август, схватил его за руки.

– Милый Тиберий, скажи: кто пытался убить тебя?

– Не знаю, отец. Они напали на меня в полной темноте.

– Но ты хоть догадался, кто это был?

– Нет, отец.

Август закусил губу и сделал кому-то знак рукой.

– Дайте моему сыну тогу.

Когда Тиберий переоделся и вступил в зал, где на длинных скамьях восседали сенаторы, а на сцене находились ещё две «ветви» Правительства, то по рядам сенаторов прокатился разочарованный вздох и прозвучал громко голос:

– Он ещё жив. И это как всегда странно.

Гортензий Флакк сидел в первом ряду и нервным движением руки постукивал свитком пергамента по ладони. Тиберий приветственно поднял руку в направлении Гортензия и, подойдя к нему, громовым голосом сказал:

– Прости меня, Гортензий. Я всю ночь ругал себя за вчерашнюю грубость. Прости.

После этого полководец ушёл в конец зала, сел на последнюю скамью, хотя был народным трибуном и должен был находиться на сцене, замер, глядя прямо перед собой.

Август медленно взошёл на сцену, где находились две «ветви» власти: цензор и два консула. Он был смущён.

Все уже знали, что принцепс написал новое завещание и что оно сейчас находится в руках Гортензия. В зале раздались нетерпеливые крики:

– Цезарь, прикажи Гортензию прочитать твоё новое завещание или ты уже передумал!?

– Цезарь, тебе ли быть нерешительным?

Август поднялся из-за стола и глубоко вздохнул. В зале наступила тишина. И в этой тишине все услышали далёкий топот скакавших коней, крики и звон оружия. Весь этот шум быстро приближался к храму Юпитера.

Принцепс нахмурился и сурово глянул в сторону входа. Преторианцы, послушные молчаливому приказу, выскочили на улицу крепости. Но шум нарастал. И вот уже крики и стоны раздались в храме. Все четыре «ветви» Правительства вскочили на ноги и обратили тревожные взгляды на вход. В зал вбежали растерянные преторианцы, держа под руки покрытого пылью и грязью с головы до ног, Понтия Пилата.

Военный трибун шагнул вперёд и, найдя взглядом Августа, хрипло сказал:

– Цезарь, и вы, консулы, цензор, народный трибун, отцы-сенаторы, слушайте: батавы разгромили все три легиона Квинтилия Вара. Мне удалось спасти пятьсот человек...

Ужас охватил всех, кто присутствовал в храме Юпитера. В римскую республику входили десятки царств, сотни различных народов, покорность которых хранили десять легионов. Но в случае бунта или поражения римских легионов в какой-либо провинции слухи об этом разбежались бы по окраинам республики. Слухи неверные, преувеличенные убеждали бы народы мира в слабости Рима, заставляли бы их братья за оружие. И чем длиннее становилась граница республики, тем больше требовалось легионов и тем больше римляне боялись своей армии, а так же провинций, которые всегда могли поглотить легионы и наслать на Рим орды варваров. Но особый страх у граждан Рима вызывали победы непокорных воинственных германских племён, которые из года в год переходили пограничный Рейн и нападали на города Западной

Германии. Эти мощные быстрые рейды варваров, словно испытывали на прочность силу римского оружия, хотя, в конечном счёте, они всегда терпели поражения. Но именно из их страны, с Востока, пришли 400 лет назад кельты, которые легко уничтожили все легионы римлян и заполнили собой весь италийский полуостров. И не есть ли это разгром легионов Квинктилия Вара предвестником нашествия новых многомиллионных, неведомых народов Востока? И не восстанут ли провинции, узнав о победном движении северных народов?

Государственные мужи сразу поняли силу того хаоса в денежном обращении, в подвозе сырья, продуктов питания, что мог захлестнуть италийский полуостров, который давно и полностью зависел от провинций. Это была горькая истина оборотной стороны блестящих побед римского оружия.

Кое-кто из сенаторов в ужасе перед нашествием варваров, мысленно видя их уже вблизи города, закричали, что нужно немедленно вооружить народ, рабов. Другие, испуская вопли, помчались вниз из храма, чтобы собрать свои семьи и отправиться в тихие южные провинции и там отсидеться. Однако основная масса мужей склонялась к мысли, что необходимо призвать распущенных ветеранов, сформировать из них 10–15 легионов и как можно быстрее направить их на Север.

В момент этих криков и стонов Август, чувствуя сильное стеснение в груди и слабость в ногах, приказал своим ликторам поддержать себя. А потом, собрав силы и стараясь выглядеть спокойным, властным голосом заставил всех замолчать. И в полной тишине приказал ввести в город преторианцев для предотвращения беспорядков. Дал указания консулам текущего года сексту Помпею и Сексту Апулею послать тайный приказ наместникам провинций о приведении всех легионов в боевую готовность, а так же начать набор новых легионов.

После этого усталый и разбитый Август в плотном окружении ликторов отправился во дворец к Ливии. И едва увидел жену, как тотчас кинулся к ней со словами:

– Ливия, моя драгоценность, помни, как жили мы. И живи, и процвай.

Она подхватила его, уже падающего на пол с улыбкой на лице: ведь о такой внезапной и лёгкой смерти он мечтал все последние годы. Ливия отнесла принцепса на ложе. Рядом с нею были только ликторы и Тиберий. Все были потрясены неожиданной смертью Августа. Ливия наклонилась над ним и долго смотрела в его лицо. Он был для неё всегда любимым супругом. Слезы застилали её глаза. Но вскоре она опомнилась и обратилась к ликторам:

– Никто не должен знать, что Цезарь умер. Встаньте у дверей и никого не выпускайте сюда. Говорите всем, что он заболел и вскоре поправится.

Ликторы с заплаканными лицами вышли в коридоры, а Ливия, дрожа от волнения, увела Тиберия в дальний конец комнаты и, словно боясь, что Август мог услышать их голоса, тихо сказала:

– Ну вот, мой сын, сбылось предсказание: пришёл твой черёд занять место Цезаря.

Тиберий, не отрывая взгляда от Августа, который лежал на спине с улыбкой на лице, словно смеялся над ними, громко воскликнул:

– Нет, Ливия, я не имею права даже помышлять об этом, когда есть более достойный, чем я!

– Ты имеешь в виду Агриппу Постума?

– Да.

Ливия с презрением посмотрела на сына и властно сказала:

– Август умер и никогда не вернётся в этот мир.

– А если боги оживят его...

– Прекрати! Нам нужно, как можно быстрее отправить Постума вслед за отцом.

Тиберий испуганно глянул в сторону Августа и замер в ожидании саркастического смеха принцепса. Ливия, меж тем, сжимая перед собой руки, начала торопливо ходить по комнате, а её слова звучали, как приказ:

– Сенаторы пока растеряны, но пройдёт время, и они вспомнят о Постуме. Ты должен их опередить.

– Но что я должен сделать?

– Немедленно убить мальчишку!

– Но как это сделать?

– Пошли к нему того человека, которому ты веришь.

– У меня нет такого человека.

– А этот трибун, который прибыл из Германии...

– Понтий Пилат.

– Да... Он мне показался туповатым служакой. Пошли его.

Тиберий помчался было к выходу, но Ливия остановила его нетерпеливым жестом руки.

– С этой минуты постарайся быть среди сенаторов. И не играй пальцами! Это всех раздражает. Будь мягким, покладистым. Предложат власть – не отказывайся, но и не принимай ей. Убеди всех, что ты не созрел для неё. Этим ты успокоишь врагов, которые будут ждать от тебя стремления к власти. Помни: за что был убит первый Цезарь и как умно правил твой отец Август.

Сказав это, Ливия стремительно ушла к столу и, взяв из стопки два пергаментных листа, быстро заполнила их кисточкой. На один она положила комок расплавленного на светильнике воска, придавила его массивной печатью Цезаря.

– Этот документ я написала от имени Цезаря. Дашь прочесть его Понтию Пилату. И уничтожь его. А этот я направлю в храм Весты, чтобы жрицы вернули мне завещание супруга. Ты объявишь о смерти отца только после того, как будет убит Постум. Он твоя смерть.

Глава восьмая

Отцы-сенаторы, два консула, цензор перешли в храм Марса, в котором они начали обсуждать: сколько и где взять денег для финансирования новой и, возможно, затяжной войны с германскими племенами. Все уже знали, что Август тяжело болен, и едва народный трибун Тиберий, как четвёртая «ветвь» власти, вступил с опущенной головой в храм, тотчас к нему стали подходить сенаторы с изъявлением дружбы и сочувствия. Кто-то предложил полководцу занять место председателя собрания Правительства, учитывая, что он был народным трибуном, однако Тиберий, перемежая свои слова тяжёлыми вздохами, наотрез отказался и сел сбоку в зале. Его сопровождали «друзья», число которых с каждой минутой быстро увеличивалось. Он замер на лавке, то и дело, бросая взгляд на песочные часы и ожидая появления Понтия Пилата. Когда же юный военный трибун вошёл в зал, счастливый тем, что он выполнил приказ будущего Цезаря и, бесцеремонно расталкивая сенаторов, приблизился к полководцу, и громко объявил: «Тиберий, я исполнил твой приказ!» в этот момент шум в зале вдруг затих. И фраза Пилата прозвучала в тишине. Она была услышана всеми, кто находился в курии. Тиберий задрожал от страха, что всё открылось и ему придётся держать ответ перед врагами, которые ненавидели его.

Сенаторы ждали ответ Тиберия. Он медленно поднялся со скамьи и, лихорадочно подыскивая слова, спокойным взором обвёл зал, показал рукой на вскочившего с места Гортензия Флакка и заговорил громовым голосом:

– У меня нет тайн от Правительства и от тебя, Гортензий. Я всегда чист перед вами, поэтому я с позволения Правительства спрашиваю Понтия Пилата: какой приказ я тебе дал. Отвечай!

– Ты, Тиберий, послал меня в сады Мецената...

Полководец нахмурился и, сжав кулаки, шагнул к растерянному офицеру.

– Я послал тебя в сады Мецената? Говори же дальше! Хотя видят боги, я никогда не имел беседы с этим человеком.

Гортензий стремительно пробивался сквозь растерянную толпу. Он уже всё понял. Тиберий следил за ним боковым зрением. И, стараясь, как можно быстрее закончить допрос, а потом выслать под охраной Понтия Пилата вон, чтобы не допустить Гортензия до трибуна, схватил юношу за плечи и сильно тряхнул.

– Отвечай!

– Ты послал меня убить Постума.

– И ты убил его?

– Да, Тиберий, – с удовольствием ответил Понтий.

Полководец сильным движением толкнул военного трибуна в сторону своих ликторов и с искренним негодованием, веря своим словам, с яростью сказал:

– Ложь! Я не давал такого приказа. Отведите его в Мамертирнскую тюрьму. И пускай он под пыткой, под огнём назовёт имя того, кто заставил этого негодяя убить сына Цезаря и моего любимого брата!

Ликторы подхватили Понтия Пилата, который безумными глазами смотрел на Тиберия, и вывели вон из храма. За ними немедленно вышел и сам полководец и бросился к Ливии. Ему нужны были советы матери.

В зале раздался возмущённый шум голосов: никто не поверил словам Тиберия. Гортензий, изрыгая проклятья, наконец, пробился к выходу, но тут на его пути встал Меценат.

– Остановись, Гортензий. Что ты придумал?

– Я убью его так же, как он убил Постума!

– Безумец, посмотри: он увёл с собой всех преторианцев. Пока мы здесь болтали, Ливия подкупила их. И теперь его не достать. Тиберий загородится преторианцами, как частоколом.

– Всё равно. Я иду к Цезарю и всё расскажу ему.

Гортензий вырвался из рук приятеля и выскочил на улицу. А Меценат с меланхолической улыбкой обернулся к подростку-клиенту:

– Ну, вот, мой маленький Иуда, ты увидел начало спектакля под названием «Как человек становится Цезарем».

– Но ведь Август ещё жив?

– Думаю, что он уже отравлен. Впрочем, мы сейчас узнаем правду.

Они вышли на лестницу храма. Но Меценат не спешил. Он вдохнул воздух и начал нарочито зевать, поглядывать по сторонам. Мальчик стоял рядом и с укором смотрел на патрона.

– Ты что-то хочешь сказать мне, Иуда?

– Ну, конечно. Кого ты решил поддерживать: Гортензия или Тиберия?

– Я принимаю сторону сильного.

– Значит, Тиберия. А я люблю Гортензия. Он честный.

– Но и я, мой маленький, благородный Иуда, люблю честных людей, однако в мире всегда торжествует зло. Потому что оно коварное, двуличное, мускулистое. Оно заставляет людей уважать себя, так как люди боятся его. А то, что они не боятся... например: добро... и не уважают, зато всегда любят пользоваться им.

Меценат с отеческой улыбкой на добродушном лице погладил Иуду по голове и наставительно сказал:

– Перемени свой характер, мой маленький друг, иначе тебя в жизни ожидать будут только шишки.

– Не буду. Я не раб.

– А вот за такой ответ – люблю.

Когда Гортензий, уже зная, что Август умер, подошёл к спальне, то его бесцеремонно остановили преторианцы, торопливо обыскали и, ничего не найдя, расступились перед ним. В комнате звучали громкие вопли Тиберия и плач друзей Цезаря.

Гортензий протиснулся вперёд, увидел блаженную улыбку принцепса и облегчённо перевёл дух. Август умер так, как и мечтал: легко и быстро.

Тиберий с безумным воплем бросился к мёртвому телу.

– Отец, отец, зачем ты меня оставил?!

Обливаясь слезами, он начал целовать его ноги, потом, заметя Гортензия, метнулся к нему, крепко обнял сенатора.

– Гортензий, отец перед смертью завещал мне любить тебя.

Гортензий с трудом освободился из крепких объятий Тиберия и, качаясь словно пьяный, вышел в коридор.

– О, боги, что будет с нами со всеми?

Тиберий, между тем, объявил, что все те сенаторы, которые в своё время поставили подписи и печати под завещанием Цезаря, должны собраться в храме Юпитера, где будет оглашена последняя воля принцепса.

Сам Тиберий в окружении ликторов и преторианцев встал у входа в храм, внимательно следил за обыском сенаторов, а потом, перемежая слова стонами, всхлипывая, требовал показывать печати. Зорко и придирчиво осматривал их и пропускал людей в зал.

Когда пятьдесят сенаторов, кто именовался «друзьями» Цезаря, отдельной толпой вошли в зал, то за ними последовали сотни две преторианцев и встали вдоль стен.

Тиберий с лицом, искажённым страданиями, медленно поднялся на председательское место и обратился с речью к Правительству, но тут же, ломая могучие руки над головой, воскликнул осипшим голосом:

– Нет! Мне было бы лучше потерять не только свой голос, но и жизнь!

И он предложил выступить с похвальным словом в адрес Августа своему сыну Друзу. Второй его сын – приёмный – Германик сидел рядом с Меценатом. Благородная внешность Германика, спокойный и умный взор, неторопливая речь, вызывали у всех, кто с ним беседовал, большую симпатию. Сейчас он внимательно следил за отцом, и его изящное лицо с чеканным профилем часто покрывалось краской стыда.

Пока юный Друз довольно складно говорил об Августе, в зале царил нервное напряжение.

Появился астролог Тиберия Фрасилл. Он осторожно прешёл к своему патрону и, став рядом с ним, почти не разжимая губы, тихо сказал:

– Тиберий, я только что узнал, что Климент, раб Постума бегаёт по городу и набирает себе отряд из черни, чтобы мстить тебе за смерть своего господина.

Тиберий так же тихо спросил:

– А что народ?

– Народ возмущён тобой. А многие говорят, что Цезарем хотят видеть твоего сына Германика.

Полководец из-под ресниц бросил острый взгляд на своего старшего сына, с досадой отметил его благородную внешность и скрипнул зубами.

– Был ли ты в лагере претория, Фрасилл?

– Да, Тиберий. Две из четырёх когорт на сходке постановили: не поддерживать тебя.

– Обещал ли ты им тройное увеличение жалования и подарки офицерам?

– Да.

– И что они ответили?

– Они начали спорить: одни за тебя, другие – против. Схватились в мечи. Мне пришлось бежать.

Тиберий застонал. Власть уходила из его рук! Он дрожащими пальцами прикрыл лицо и умоляюще прошептал:

– Фрасилл, раздай деньги народу... подкупи офицеров подарками. Обещай им от меня повышения по службе. Но спешу – я держу волка за уши!

А между тем, двое вольноотпущенников Августа внесли в зал небольшой сундучок и поставили на стол председателя, торопливо взломали печати и вынули из глубины его две тетради. Вольноотпущенник Полибий открыл первую страницу и громко прочитал:

– «Так как жестокая судьба лишила меня моих сыновей Гая и Луция, пусть моим наследником в размере двух третей будет Тиберий Цезарь...»

Полибий умолк, ожидая аплодисментов новому Цезарю, но в зале было тихо. Страх поразило сердца мужей. Полибий, выждав несколько секунд, вновь обратился к завещанию. Римскому народу Август отказал сорок миллионов сестерциев – по тысяче каждому, легионерам – по триста. Остальные подарки, назначенные разным лицам, должны были быть выплачены через год. В извинении Август ссылаясь на то, что состояние его не велико. Правда, за последние годы он получил от друзей по завещаниям около тысячи четыреста миллионов сестерциев. Но почти все эти деньги с двумя отцовскими именами он израсходовал на благо государства и народа...

Сенаторы плакали.

Когда Полибий умолк, Тиберий выждал несколько минут, а потом, подзвав к себе консулов текущего года Помпея и Аппулея, начал быстро раздавать им приказы, которые касались провинций и набора новых легионов. Зычным голосом он отдал распоряжение начальнику городской стражи поймать раба Климента, успокоить народ.

– Скажи этому презренному рабу, что Постум жив и просит его прийти сюда и дать ответ перед Правительством за подстрекательство народа к бунту.

Однако, едва консулы, а так же друзья подступили к Тиберию с просьбой разрешить им присягнуть ему на верность и возложить ему на голову венец Цезаря, как тот испуганно отшатнулся от них и, закрываясь руками, с дрожью в голосе закричал:

– Нет – нет, я не могу решиться! Передайте народу, что я отказываюсь от звания Цезаря и никогда не приму его!

И напряжённо следил за тем, как люди воспринимали его отказ. И чувствовал страх, что кто – нибудь мог заговорить о кандидатуре Германика и тем погубить его, Тиберия. От великого напряжения он обливался потом и неподдельно трясся телом, боялся переиграть.

Оторопевшие сенаторы опустились на колени и вновь стали умолять Тиберия. Он, облегчённо переводя дух, не слушая их, бросился бежать в глубину храма и, заскочив в одну из комнат, забился было в угол. Сенаторы взяли его под руки, повели назад, а он протестующее тряс головой. Тиберий вырывался, возмущённый их поведением и, обведя взглядом мужей, сказал им с упрёком в голосе:

– Да вы и знать не знаете, что за чудовище – власть. А если б знали, то пощадили бы меня и выбрали бы другого.

Гортензий с презрением глядя на Тиберия, крикнул во всё горло так, что многие сенаторы вздрогнули:

– Ну, раз Тиберий отказывается от власти, то не лучше ли нам подумать о другом кандидате?!

Все посмотрели на Германика. У Тиберия подкосились ноги.

Иуде казалось, что сейчас раздастся громкий смех, и Тиберия, как плохого актёра, все погонят из храма, улюлюкая и свистя ему в след.

Это был особый театр, где зрители были тоже актёры, и они знали, что за плохую игру им придётся однажды отвечать перед Цезарем.

Тиберий осторожно опустился в кресло нервно напряжённый от той молчаливой паузы, что наступила в храме. Полководца колотил страх, но и сенаторов тоже бил страх. Взмолвленные люди вновь наперебой стали упрасивать Тиберия, которого ненавидели, принять верхов-

ную власть. Тот молчал, закрыв лицо руками и глядя меж пальцев на мужей. И они знали, что он следил за ними. И это ещё больше пугало сенаторов, и они ещё сильнее кричали. Сквозь этот непрерывный, нервный шум пробилась два голоса. Раздражённый голос Гортензия: «Пускай он правит или уходит вон!» И голос Мецената: «Тиберий иные медлят делать то, что обещали, а ты медлишь обещать то, что уже делаешь!» И тогда Тиберий заговорил странно и загадочно:

– Вы, отцы-сенаторы, хотите, чтобы я принял власть?

– Да.

– Но зачем вы это хотите?

Растерянные люди замерли, а Тиберий продолжал:

– Будете ли вы хулить меня за то, что я окажусь негодным правителем?

Тиберий говорил глупости, но глупость, сказанная тем, кого люди боялись, всегда признавалась людьми за перл ума. Эта комедия, столь необычная для прямодушных, бесхитростных римлян продолжалась до самого вечера, пока раб Климент не был схвачен и не заключён в Мамертинскую тюрьму, а горожане, узнав, что Тиберий отказывался принять власть Цезаря, не притихли.

Наконец, словно уступая просьбам охрипших сенаторов, перемежая свои слова жалобами на рабскую долю Цезаря, Тиберий согласился принять власть. И, как будто пугая, добавил:

– Я немедленно сложу с себя звание Цезаря, если вы сочтёте меня недостойным этого венца.

Измученные сенаторы, в страхе за своё будущее разошлись по домам, хватая себя за головы и тяжело вздыхая: кого они избрали себе на шею? Но вслух остерегались выражать свои мысли.

Меценат, Германик в окружении клиентов шли по пустынной улице притихшего города. У Германика на душе было тревожно. Он не мог забыть свирепый взгляд своего отца, который глянул на него в тот момент, когда беседовал с Фрасиллом. Германика оскорбляло и обижало то, что отец подозревал его в отсутствии к нему уважения и сыновних чувств. Меценат, вспоминая, как все его товарищи, и он в том числе, двулично вели себя в храме, саркастически рассмеялся.

– Ну, теперь надо ждать мести Цезаря. Я не удивлюсь, если завтра он возведёт в сенаторское достоинство рабов, пролетариев и гладиаторов, чтобы оскорбить Правительство, как это делали Антоний и Август.

Германик с досадой поморщился. Ему всегда было неприятно слышать, когда его отца упрекали в жестокости.

– Нет, Меценат, ты не знаешь Тиберия Цезаря. Он достоин сочувствия и жалости. А сейчас, придя к власти, мой отец – и я уверен в этом – ещё более изменится.

– Да, станет хуже, чем был.

– Меценат, в твоих словах звучит ненависть к Цезарю.

– Увы, мой дорогой Германик, история, к сожалению, не знает примера, когда бы человек – тиран характером – становился честным правителем. Если человек лжив, то честным он никогда не станет. Ему проще спускаться вниз, а вверх – ворочать душевные камни! – вряд ли заставишь. Он тебя вперёд переделает на свой лад.

У Германика на глазах заблестели слёзы. Он понимал правоту Мецената и не хотел соглашаться с ним.

– Значит, ты думаешь, что Тиберий будет плохим Цезарем?

– Я уверен в этом. И из любви к длинной болтовне скажу, что в дурных людях, чтобы они не говорили о себе, всегда прольёт дорогу звериное начало. Будут ли эти люди властвовать над жёнами, рабами или государством. Всё одно.

– Мне от твоих слов, Меценат, становится страшно. Я начинаю видеть мир сгустком злобы.

– Он всегда был таким и останется таким, пока существуют люди.

– И ты, поэт, говоришь это так спокойно?

– Я в первую очередь гражданин, – с чувством удовольствия ответил Меценат. – И говорю всегда то, что думаю в отличие от рабов, которые одно говорят, а другое держат в голове

Глава девятая

«Всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти».

В тот час, когда Понтия Пилата стражники повели в Мамертинскую тюрьму, а Тиберий хитрыми речами держал в напряжении Правительство, в Палестине, на окраине большого города Назарет, в глубине двора за кучами брёвен сидел некрасивый девятилетний мальчик с глазами полными слёз и, прижимая к губам «Святое Писание», смотрел на горы и со стоном восклицал:

– Боже, помоги мне, пошли Ангела, чтобы он забрал меня отсюда. Мне тяжело. Я уже не хочу жить...

А вокруг – на улицах, в огородах и в домах звучали весёлый смех детей и женщин, шумные беседы мужчин и песни.

Воздух был полон прекрасными запахами цветов, земли и трав. Всю неделю шли дожди. А под утро они затихли. И днём природа под нежным солнцем Галилеи расцвела чудесными красками. При виде которых хотелось улыбаться. И люди улыбались и желали друг другу добра, предлагали соседям и прохожим что-нибудь вкусненькое, приглашали в гости. Добрый народ жил в Галилее, которая в это славное утро была похожа на райскую землю. Все, кто спешил в синагогу или неторопливо возвращался из неё домой, улыбался встречным людям и в изумлении оглядывал знакомые кипарисовые и финиковые рощи, горы и чисто яркое небо. Если всё так хорошо у них в Галилее, то не есть ли это Царствие Божие?..

Час назад римский центурион Панфера во главе эскадрона всадников лёгким аллюром проскакал по улицам Назарета. Римляне спешили в сторону Генисаретского озера, где смутянил очередной Мессия.

При виде молодой женщины, которая в окружении своих детей, вышла из синагоги, Панфера бросил стремительный взгляд на её старшего сына, торжествующе улыбнулся и гордо закинул голову назад: мальчик был похож на него.

Женщина в смущении закрыла своё лицо платком и потупила взгляд.

Солдаты разразились хохотом.

– Панфера, бабник! Скажи хоть, как её зовут?

– Мария! – с удовольствием крикнул центурион, продолжая следить за женщиной и её мужем, который исподлобья, с ненавистью глядел на него.

– Ну, и как, Панфера, хороша ли была твоя Мария?

– Да! Десять лет без упрёка вспоминаю.

И центурион, счастливо смеясь, проскакал мимо семьи Иосифа, который с трудом сдерживая бешеную ярость, усадил маленьких детей на осла, бросил повод в руки растерянного Иешуа и со всего маха ударил палкой по ляжке животное. Осёл дрыгнул ногой и быстро пошёл по улице. Иосиф и Мария зашагали следом за ним.

Пока семья шла кривыми улочками города, Иосиф смотрел себе под ноги, словно боялся оступиться на мощёной камнем дороге и не отвечал на радушные приветствия знакомых ему людей. Его ноздри подрагивали, он задыхался, а пальцы, сильно сжимавшие посох, побелели.

Мария, идя за мужем, со страхом следила за его напряжённой фигурой и ужасалась тому, что должно неминуемо произойти, едва они спустятся с холма, на котором располагался Назарет и уйдут в малолюдный пригород, где находилась их усадьба.

В том месте, где улица круто уходила вниз, а одноэтажные домики далеко отступали в стороны, открывался вид на дорогу. По ней стремительно скакал римский эскадрон, поднимая

густую завесу красной пыли. А по правую руку от идущей семьи, в полумиле от неё, на широкую и прямую центральную улицу, на которой жили состоятельные люди города, из ворот особняка начала выходить большая группа хорошо одетых всадников. Во главе её, подбоченись, с презрительной улыбкой на красивом лице выскочил на белом коне тетрарх Галилеи Ирод Антипатр. Ему было в это время двадцать лет. По его лицу скользила презрительная гримаса, когда он увидел горожан, которые остановились невдалеке и, улыбаясь, приветственно махали ему руками, начали славить сына Великого Ирода.

Ничего этого не заметила семья Иосифа, погружённая в своё несчастье. Гнев переполнял душу отца. Он с рычанием прыгнул вперёд и вновь обрушил удар палкой по ослу.

– До каких же пор ты будешь плестись, проклятая скотина!

Иешуа вжал голову в плечи, понимая, что гнев отца адресован только ему, а Мария, цепляясь руками за Иосифа, визгливо запричитала:

– Ой, да я всегда говорила, что наш старший сынок с придурью.

Слово «наш» больно резануло по душе Иосифа, и он, отшвырнув руки жены, сквозь зубы угрожающе процедил:

– Молчи, женщина. Сосуд греха!

Иешуа закачался от ужаса, что он предан собственной матерью. И теперь ему некому понести свои слёзы. Он плакал и бежал по дороге, не видя ничего перед собой. А его двое младших братьев, погодки, Яков и Иосия весело прыгали на широкой спине осла, держась друг за друга, и смеялись над старшим братом, и строили ему рожицы своими хорошенькими лицами.

Мария забежала вперёд мужа. Обняла младших сыновей, расцеловала, старательно показывая Иосифу, как она любила его семью. Но Иосиф был не утешен. Стрдание и ненависть переполняли его душу и мучили его сознание. Он глубоко, отчаянно вздохнул и готов был взречь, как раненый зверь. В секунды просветления Иосиф обдумывал, как он выгонит из дома жену, а её сына завтра же поведёт на рынок и продаст в рабство за любую цену.

Мария, лаская Якова и Иосию, жалобно поглядывала на мужа и сердито кричала на старшего сына:

– Боже мой, как ты мне надоед!

От этих слов матери Иешуа громко всхлипывал и шёл, всё более низко опуская голову. Все его чувства в эти минуты воспринимали только то, что шло от матери. Он не обращал внимания на грозные слова отца, на смех братьев, но чутко ловил интонации голоса матери. Увы, в них не звучала прикрытая злостью мягкость и просьба потерпеть, мол, потом я приласкаю тебя. Чувство отверженности, одиночества в этом огромном мире внезапно обрушились на Иешуа, и ему стало невыносимо то, что он жив и вынужден терпеть душевную боль.

Когда семья шла по тихим улицам пригорода, то впереди перед нею, перегораживая дорогу, появились поваленные ливнями деревья. Многие из них были наполовину скрыты грязевыми наносами. И вот тут, когда Иосиф вновь, в который раз ударил палкой осла, животное, яростно лягнувшись, наклонило голову и перекусило крепкими зубами толстое деревце пополам. И оно, освобождённое от верхней части, придавленной грязью, приподнялось и ударило в грудь Иосифа. Глава семьи упал на спину в лужу, быстро вскочил, испуганно глянул в небо и, поникнув плечами, медленно пошёл за семьёй. Яков весело прыгал на осле, метил ногой в старшего брата и когда, наконец, ему удалось пнуть его в бок, он откинулся к Иосии и счастливо рассмеялся.

– Достал! Достал! Теперь попробуй ты!

А Иосия, обхватив Якова за плечи, крикнул Иешуа:

– Мария тебя не любит! А любит нас!

Яков ткнул пальцем в старшего брата и, смеясь, сказал:

– Фи, он плачет.– И обернулся к матери. – ты ведь не любишь его?

– Конечно, нет. Я люблю только вас. – И Мария с ещё большей нежностью начала обнимать и ласкать младших сыновей. Она сердилась на старшего мальчика, потому что он всегда был причиной раздражения её мужа. Порой она ненавидела Иешуа и желала ему смерти, и всё более и более озлоблялась на него, считая мальчика несчастьем их семьи и Божиим наказанием.

Иешуа завёл осла в сарай, насыпал ему в кормушку овса и вышел во двор, огляделся. Его отец ходил позади дома в тени деревьев, задумчиво глядя прямо перед собой, а мать, окружённая весёлыми детьми, накрывала на веранде стол, раскладывая лепёшки, оливковое масло в маленьких горшочках.

Иешуа почувствовал сильный приступ голода, но заметив, с какой нежностью его мать поглаживала по головам его братьев, заплакал и уже безучастно смотрел на ловкие материнские руки, что клали на стол овощи, фрукты, делая всё быстро и красиво. Мальчик взял в доме «Святое Писание» и, стараясь быть незамеченным семьёй, прошёл в дальний конец двора, заполненный брёвнами и досками. Иешуа сел на бревно, опустил голову на руки – читать он уже не хотел. Его узкие, хрупкие плечи затряслись от беззвучных рыданий. Он один и брошен, и никому не нужен. Как жить на белом свете? Его детская душа разрывалась от горя и страданий. Он поднял заплаканное лицо и посмотрел на далёкие горы, что тянулись длинной цепью на востоке. На одной из них, самой высокой, искрился белый снег под лучами солнца. Иешуа умоляюще попросил, протянув руки в ту сторону:

– Боже, ты же видишь, как из года в год мне тяжело. Забери меня отсюда. Разве я провинился в чём-нибудь, что я так несчастлив?

Вдруг рядом раздались тихие шаги, и не успел Иешуа обернуться, как чья-то рука мягко опустилась на его плечо, и голос приятный и благозвучный сказал:

– Бог тебя услышал и своим перстом направил меня в этот двор, чтобы я утешил тебя.

Изумлённый мальчик вскочил на ноги. Перед ним стоял первосвященник Иерусалимского Храма Анна.

Глава десятая

Первосвященник Анна две недели назад в сопровождении двух наиболее уважаемых людей Иерусалима – фарисея Зосимы и книжника Матафея – отправился на север Палестины, чтобы осмотреть дорогу, по которой проходили иудеи из вавилонского плена, а так же побывать на целебных галилейских источниках. Ирод Антипатр, который маялся бездельем, загорелся дальней прогулкой и вызвался сопровождать первосвященника со своей свитой и охраной. На обратном пути кавалькаду настигли проливные дожди, и путешественники остановились в Назарете. А субботним утром, коль в этот день путешествовать было нельзя по Закону Моисея, то Анна и Антипатр решили отправиться в близлежащие горы и там устроить хороший отдых.

Когда Антипатр выскочил на резвом скакуне из ворот, он в это время находился в сильнейшем раздражении. Он проклинал себя за то, что дал согласие Анне сопровождать его в дальней поездке по стране. И теперь из приличия и уважения к первосвященнику Антипатр вынужден был соблюдать субботу, слушать бесконечные споры Зосимы и Матафеи, которые наоборот были очень польщены тем, что они находились в свите тетрарха и говорили непрерывно вот уже вторую неделю. Они были уверены в том, что их беседы и споры должны нравиться и услаждать слух Антипатра. Ведь они говорили о Боге!

Едва всадники оказались на улице, как толстяк Зосима и Матафей, отчаянно колотя ослов пятками ног, пробились вперёд и заняли место рядом с тетрархом, по другую сторону от которого, тоже на осле, ехал Анна, муж в годах.

Зосима округлым движением поправил сумки, что висели у него по обе стороны головы, приклеенные к вискам. В этих хранилищах лежала «шема». И счастливый тем, что его сейчас будет слушать сын Ирода Великого, фарисей сильно чмокнул толстыми губами и после длинной паузы, необходимой для того, чтобы раззадорить любопытство Антипатра и его свиты, громко сказал:

– Главное в Законе Моисея Закон о кистях. Мой отец, спускаясь по лестнице, зацепился за что-то кистью, оторвал её и не двигался с места в течение суток, пока в дом не зашли его друзья и не пришили кисть на место.

Зосима указал на угол своего таллифа, где висели кисти.

Книжник Матафей так и взвился на осле и, протягивая руки к Антипатру, возопил:

– Государь, это наглая ложь! Не верь этому человеку! Он лжив, как тысяча язычников!

– Я лгу?

– Да, потому что тебе хорошо известно, что главная заповедь Святого Писания, это та, в которой говорится об омовении рук. И нарушение сего закона так же преступно, как и человекоубийство!

И он, торжествуя показал чисто иудейский жест, словно умывал руки, а потом сильно потряс длинным пальцем в воздухе.

– Высокочтимый и мудрейший равви Акба, будучи в заточении и получая воду в количестве только для удовлетворения жажды желудка, предпочитал умереть от неё, чем нарушить закон и кушать, не умывши рук!

И едва сказав это, Матафей, зная, что Зосима немедленно бросится в атаку, выхватил из пояса сочный финик и, держа его перед своими губами, пронзительным воплем начал читать все двадцать шесть молитв, которые всякий истинный иудей должен был произносить перед вкушением пищи.

Все замолчали, соблюдая закон.

Зосима прикрыл глаза. Его толстое тело волновалось от ярости, а в его мыслях звучал чужой голос, не Зосимы! « До каких же пор этот проклятый Богом тонкий хрен будет раздражать меня?»

В полной тишине, в душе посмеиваясь над фарисеем, книжник Матафей дочитал до конца молитвы, брызнул воду из фляжки на руки и закусил финик. И только тогда Зосима, еле сдерживая раздражение, спокойно сказал:

– Ты нарушил субботу, брат мой.

– Я нарушил субботу?

– Да и дважды.

Матафей иронично улыбнулся тонким лицом.

– Ну, брат Зосима, объясни мне моё преступление. И остерегись, если твои слова, по – обыкновению, будут ложью.

– Сегодня утром ты плюнул, чем нарушил основы Мишны и Гемара.

– Когда же я мог это сделать?

– Тогда, когда ты читал молитву перед вкушением плода. Из твоего рта вылетели брызги слюны.

Матафей так и подпрыгнул на своём осле.

– А второе моё преступление?!

– Ты занят работой, потому что несёшь на себе, запрещённую Мишной и Гемаром тяжесть в день субботний.

Матафей бросил на Зосиму бешеный взгляд и, дрыгая, весьма опасно, длинной ногой, громко крикнул:

– Назови мою работу!

– Ты несёшь на левом сапоге два бронзовых гвоздя. А сказано в «Писании», в книге «Исход» 31.15: «Всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти».

Книжник, глубоко страдая, закусил губу и несколько секунд оторопело смотрел прямо перед собой. Зосима был прав! Матафей забыл, что его сапоги подбиты металлическими гвоздями, однако понимая, что всё сказанное Зосимой есть лишь желание уязвить его, Матафей, он, уже не скрывая злости, буркнул в ответ:

– А про твоего отца, Зосима, люди говорят, что он, желая прослыть благочестивым, сам оторвал себе кисть, когда заметил в окно идущих к нему друзей и встал на лестницу, изобразив на лице суточные страдания.

Фарисей охнул и в ярости, блестя от слёз глазами, завопил:

– А про твоего учителя Акбу, знай же, книжник Матафей, люди говорят следующее: когда он вышел из темницы, то руки его были грязными, а живот раздут от воды. И первое, что сделал твой учитель, это помчался в отхожее место и долго изливал из себя срамную жидкость!

Матафей покачнулся в седле, закачался, слыша столь дикую ложь в отношении его равви и, ослеплённый ненавистью, но соблюдая субботу, он со всей силы обрушил удар кулаком на голову осла, который нёс толстяка Зосиму. Осёл всхрапнул и прыгнул в сторону, прямо на сломанное деревце, что нависало над дорогой. Острый конец его скользнул по спине фарисея и с треском оторвал кисть на квадратном синем таллифе.

Зосима натянул повод, остановил осла и, в ужасе глядя назад, на конец деревца, где висела его кисть, пронзительно завопил.

Кавалькада остановилась. Первосвященник Анна, досадуя на Зосиму, подъехал к нему и попросил его двигаться дальше. Но фарисей, обливаясь слезами и в отчаянии заламывая над головой руки, воскликнул:

– Нет и нет, Анна! Разве тебе неизвестно, что всякий благочестивый человек не имеет права сходить с места, потеряв кисть?

Раздражённый Антипатр ударил своего коня плетью и помчался на ту дорогу, что вела к Генисаретскому озеру, и по которой в это время скакал эскадрон Панферы.

Там на берегу благословенного озера находилась Ливиада, главный город тетрарха. Стража и свита в клубах пыли умчалась за своим государем. На улице остались Анна, фарисей и книжник. Анна и Матафей сошли с ослов и, не зная, что делать дальше, прошлись по дороге...туда – сюда. Попробовали было уговорить Зосиму продолжить путь, но тот, гордый своей решимостью, отрицательно затряс головой.

– Нет и нет. Я лучше умру, но не двинусь с места без пришитой кисти.

Матафей указал в огород.

– Смотри, Анна, там человек. Давай возьмём у него иголку и нитку.

Они перелезли через низкую ограду и готовы были ступить на короткую шелковистую траву, как Матафей остановил первосвященника испуганным жестом.

– Нельзя нам ходить по траве в день субботний. Это работа!

Первосвященник согласно кивнул головой, не выказывая ни согласия, ни одобрения на ретивое благочестие Матафея, указал на куски досок, чурочки и щепки, что были разбросаны детьми. И два мужа стали прыгать с доски на доску, с щепки на щепку, двигаясь зигзагом из стороны в сторону по огороду, медленно приближаясь к дому Иосифа. Тот заметил двух человек, которые прыгали с места на место, порой удаляясь от него и вновь возвращаясь. И он, удивлённый этой странной забавой незнакомцев, открыв рот, уставился на них. Анна и Матафей, тяжело дыша, остановились в двадцати локтях от Иосифа, огляделись, но вокруг была только чистая трава без единой щепки. Матафей крикнул плотнику:

– Эй, добрый человек, брось нам доску, чтобы мы смогли пройти до тебя!

– Так ведь здесь ничего не мешает. Трава без порока.

Матафей нахмурился: плотник был некрепок в вере. Сурово сказал:

– А день какой? Разве тебе неизвестно, брат, что в день субботний ходить по траве всё равно, что молотить хлеба?

Только теперь Иосиф догадался, что перед ним люди важные и скорей всего фарисеи. Он метнулся по двору и вскоре прибежал назад с длинной доской, бросил её под ноги незнакомцам. Те прошли, представились.

Иосиф возликовал, узнав, что дом посетили первосвященник и знаменитый книжник Матафей. Крикнул жене, чтобы она быстрее накрывала стол на веранде в тени деревьев. Матафей прошёл с плотником в дом за иглой, но когда он увидел её в пальцах Иосифа, то в смущении опустил было руку. Взять иглу в день субботний было нарушением «шабаша». Но, однако, здраво рассудив, что если кисть не будет пришита, то фарисей никогда не сдвинется с места, а ласковое солнце Галилеи в полдень станет жестоким и убьёт Зосиму, который будет сидеть под прямыми лучами солнца весь день. И так, убеждая себя, что он совершает богоугодное дело, спасая от смерти человека, к которому всегда относился с неприязнью, Матафей взял иглу. Хотя в глубине души он боялся, что сей подвиг фарисея Зосимы, мог ещё более поднять его в глазах народа. Молва о его мученическом поступке быстро достигла бы Иерусалима. И глупый народ вышел бы навстречу страдалцу.

Мысленно увидев ликующие толпы людей, книжник скрипнул зубами и быстрым шагом вернулся на дорогу, к Зосиме.

Между тем, многие назаретяне, узнав о том, что фарисей Зосима потерял кисть и дал клятву, что не сдвинется с места, пока она не будет пришита к талиффу, сбежались со всех сторон. Люди пытались облегчить его страдания, начали обмахивать Зосиму ветвями деревьев, прикрывать плащами голову фарисея от палящих лучей солнца, брызгать на него холодной ключевой водой. А многие горожане со слезами на глазах коленапреклонённо умоляли Зосиму не подвергать себя смертельной опасности. Однако Зосима, с мучительным стоном и воплем, ломая свои руки, просил народ не подходить к нему. Говорил, что Богу в этот день было угодно проверить его стойкость духа и что назаретяне, облегчая его страдания, тем самым совершали грех.

И люди отошли, и встали вокруг фарисея, и восхищались его мужеством, и называли его заступником народа и святым человеком. Женщины подносили к нему маленьких детей, чтобы он прикоснулся к ним своей святой рукой. А дети постарше и взрослые люди сами подходили к фарисею и трогали его пальцами, замирая душой от того, что взгляд Бога в эти секунды падал и на них. И с просветлёнными лицами отступали назад.

Осёл под Зосимой, широко расставив ноги и опустив уши, дремал, обильно потел. А Зосима, тяжело вдыхая горячий воздух и с каждой минутой теряя силы, вяло поглядывал вокруг себя и, едва-едва поднимая руку, благословлял народ. Фарисей был уверен, что его тело не выдержит физических мук, и он умрёт, но эта смерть на глазах Бога и во имя Бога радовала его душу. Он ликовал, потому что многие годы хотел умереть такой смертью. И теперь желал скорейшего наступления её, уверенный в том, что ещё сегодня он попадёт в Царствие Божие... И(он счастливо улыбнулся и выпрямился в седле) будет говорить с Богом!

Матафей, увидев улыбку на лице Зосимы, в ярости бросил иголку под ноги и ушёл во двор плотника.

Пока происходили эти события, первосвященник Анна, в ожидании праздничного завтрака, решил прогуляться под кронами деревьев в глубине двора, где были сложены стопками обработанные кедровые брёвна и доски, которые источали пряный запах смолы. Когда первосвященник услышал голос Иешуа и, выйдя из-за дерева, увидел хрупкого мальчика с глазами полными слёз, с лицом грустным, на котором уже лежала печать детских страданий, что остаются на всю жизнь в чертах лица, Анна поразился не тому, что подросток плакал (мало ли детей плакало от обид родителей?), а тому возвышенному чувству, что коснулось души первосвященника, едва он приблизился к Иешуа. Анна подошёл к мальчику и опустил руку на его худое плечо.

– Бог тебя слышал и своим перстом направил меня в этот двор, чтобы я утешил тебя.

Потрясённый Иешуа, дрожа всем телом, торопливо смахнул с глаз слёзы, чтобы лучше видеть того, кто стоял перед ним, быстро глянул в лицо первосвященника. И в тот же миг обострённая нервным напряжением чувственная душа Иешуа ощутила нечто враждебное, что

должно изойти от этого человека на него, Иешуа, в будущем. Мальчик шагнул назад, не спуская глаз с Анны, но весь облик первосвященника являл собой доброту и большое расположение к подростку. Иешуа, как и подобало юности, верящей тому, что видели глаза, быстро забыл странное видение, растерянно пробормотал:

– О, Анна, разве можно утешать в день субботний?

Первосвященник быстро шагнул к Иешуа и, чувствуя прилив нежности и любви к этому необычному подростку, возложил ему на голову руки.

– Закон можно нарушить во имя спасения души человека. Бог милосерден. Он всегда простит.

Зерно упало на благодатную почву! Потрясённый Иешуа замер: слова Анны были кощунственны, но они были сказаны первосвященником, который говорил с Богом и, значит, эти слова истинны и исходили от Бога.

Анна погладил мальчика по голове, глянул на книгу, которую держал Иешуа в руках.

– Ты уже знаком с Писанием?

– Я его знаю наизусть.

Тут появился Матафей, сурово осмотрел смущенного мальчика, спросил:

– А известно ли тебе, чадо, сколько букв в Писании?

Иешуа потупился.

– Нет.

– А известно ли тебе различие, которое существует между Законом Моисея и Талмудом?

– Нет.

– Тогда слушай и внимай:… чтение Мишны, первой части Талмуда, является делом настоящим. А Гемары – второй части – высокопочтенным, главным. Это правильное толкование Писания. Вот поэтому различие между Законом Моисея и Талмудом такое же, как между водой и вином.

Анна привлёк к себе растерянного мальчика, для которого всё, что он услышал за эти минуты, было удивительным и потрясающим всё его сознание.

Матафей же, обернувшись в ту сторону, где находился Иерусалим и, простерев к сему городу и Храму длинную руку, с чувством удовлетворения заговорил

– Если ты знаешь, чадо, Закон Моисея, то ты должен знать и то, что в нём существует двести сорок восемь утвердительных правил по количеству членов в человеческом теле и триста шестьдесят пять отрицательных правил по числу артерий и вен человека. Общая сумма сих святых чисел будет равна шестистам тринадцати, что есть количество слов в десятиловии…

Мальчик в полном изумлении смотрел на вдохновлённое лицо книжника и на Анну, который, напряжённо хмурясь и прижав кулак к своим губам, надсадно покашливал и умственно кивал головой.

Иосиф позвал всех к столу.

Когда дети и взрослые расселись на лавках, а Мария укрылась в доме, Матафей скороговоркой проговорил молитву, закончив её обычными словами:

– Благодарим тебя, Боже, что ты не создал нас язычниками, женщинами и ам-гаарцами…

Первосвященник разломил хлеба и подал каждому. Все молча и с большим аппетитом стали вкушать простую, но сытную пищу плотника… все, кроме Иешуи. Он благоговейно смотрел на Анну и на Матафея.

После хорошего завтрака Матафей заговорил с Иешуа о Писании. Его слова были похожи на допрос, однако ответы мальчика были точными и ясными. И это смягчало суровую душу книжника. А Иосиф, видя, что подросток говорил с важными людьми так, как можно говорить с равными себе, открыв рот, глядел на него и не узнавал. Мария тоже, выглядывая из дома и прикрывая лицо платком, испуганно смотрела на старшего сына и не понимала, почему важные люди: Анна и Матафей с вниманием слушали её Иешуа и одобрительно кивали головами.

Поздно вечером Иосиф, ложась на деревянное ложе рядом с женой и поглядывая в угол, где спал Иешуа, тихо сказал Марии:

– Женщина, а ты заметила, как он говорил с ними?

– Да, заметила, супруг мой возлюбленный.

– А чего же он так говорил с ними? О чём?

В голосе мужа Мария услышала дрожь и, воспринимая её, как недовольство старшим сыном и, боясь, что Иосиф вновь мог вспомнить страшную обиду, которую нанёс ему Панфера, она торопливо сказала, прижимаясь к супругу:

– Ой, да разве ты не знаешь, что он с придурью?

– Да, оно и видно. А то разве он стал бы говорить так, – Иосиф положил руку на талию Марии и перед тем, как обнять её, громко воскликнул: – Боже, позволь нам сделать это греховное соитие токмо во имя рождения иных детей, а не ради блуда!

Глава одиннадцатая

Антипатр проскакал половину пути по горным дорогам, держа направление в сторону Генисаретского озера, на западном берегу которого стоял его город Ливиада, названный так в честь жены Августа. Перед городом Фавор тетрарх придержал коня и перевёл его стремительный бег на шаг и вдруг услышал далёкий голос, приглушённый расстоянием. Тетрарх быстро обернулся и посмотрел вбок. Там внизу на выжженной солнцем бесплодной земле толпились фаворяне перед огромным камнем, на котором размахивал деревянным крестом молодой иудей и трубным голосом что-то кричал. Антипатр немедленно свернул вниз и по тропке, сопровождаемый свитой, спустился на нижнюю каменную террасу, остановил коня над оратором. Прислушался.

Оратор, мальчишка лет пятнадцати яростно потрясал крестом и рукой, бегал по каменной площадке, призывал народ пойти за ним к Иордану. Там он готов окрестить святой водой всех, кто хотел освободиться от грехов и греховной жизни, остановить своим глаголом воды святой реки, перевести посуху безгрешный народ на другую сторону Иордана. После чего должно было исчезнуть римское владычество.

Народ внимательно слушал, смущался, боясь римлян. И, кажется, готов был последовать за юным пророком, как внезапно на горизонте за клубилась пыль, не видимая пока тем, кто стоял внизу перед оратором. Это мчался эскадрон Панферы.

Антипатр улыбнулся при виде всадников и, чуть повернув голову лицом назад, тихо сказал:

– Это будет любопытное зрелище.

Римляне развёрнутым строем, охватывая людей с трёх сторон, стремительно приближались. Фаворяне наконец заметили эскадрон, толкая друг друга, начали разбегаться.

Звук дробного топота конских копыт нарастал. Юный пророк с яростью на всадников, прыгнул с камня вниз, неторопливо сел на осла и с гордо поднятой головой поехал прочь.

Римляне, как смерч проскакали через бегущую толпу иудеев, обрушив на них удары мечей и копий.

Панфера остановил коня у огромного камня, с которого только что говорил юный пророк. Снял с седла сумку и сел в тень. Глянул исподлобья наверх, где находился Антипатр, хмыкнул и повернулся к нему спиной, а лицом – к месту резни. Там его солдаты деловито снимали с убитых и раненых иудеев одежду, делили её между собой.

Центурион вынул из сумки кожаную фляжку с вином, ломоть белого пшеничного хлеба, связку чеснока и начал закусывать.

При виде пренебрежения, проявленной к нему, государю Галилеи, на территории которой сейчас находился Панфера, Антипатр побледнел от приступа гнева, и его рука потянулась к поясу, на котором висел меч. Тетрарх уже мысленно видел, как он отрубал язык Панфере, как тот плевал кровью, распятый на кресте и мотал головой, распугивая птиц...

Антипатр посмотрел на широкую спину центуриона, на его крепких солдат, подавляя гнев, напустил на своё лицо равнодушный вид. Царь не хотел уезжать первым и тем самым дать повод римлянам думать, что он боялся их. Он страшился услышать брошенный ему в след глумливый смех солдат.

А между тем, римляне поймали, жестоко избили и подвели к Панфере юношу – пророка, бросили его к ногам центуриона. У пророка обильно текла из носа кровь. Он размазывал её по лицу и с ненавистью смотрел на Панферу. Тот продолжал неторопливо кушать, внимательно поглядывая на солдат, которые делили тряпки и деньги иудеев, многие из которых ещё были живы и умоляли о смерти римлян. На них никто не обращал внимания.

Солдаты спешили. Всем хотелось укрыться в этот полуденный зной где-нибудь в городе. Поэтому, когда Панфера зычным голосом приказал: «А, ну-ка, поищите для Мессии пару брёвен!» то римляне протестующее загудели. Кто-то крикнул:

– Панфера, кончай его так! Ты что убить нас хочешь на этой жаре?!

Панфера нахмурился, метнул грозный взгляд на крикуна и рывком поднялся на ноги – сильный, крепкий, молодой римлянин. Солдаты притихли, начали деловито прикрывать плащами свои панцири от жгучих лучей солнца, осматривать уставших коней.

Панфера посмотрел в сторону близкого города, который колебался в душном мареве и, казалось, висел в воздухе, безлюдный и тихий, смахнул с лица обильный пот и задумался. Он не был тупым солдафоном, который в пустую гонял солдат, но и не был добряком, и хотя понимал, что возня с крестом и ожиданием смерти мальчишки могло занять много времени, тем не менее, не спешил отменить свой приказ. Панфера подошёл к пророку и вынул из ножен меч. Солдаты облегчённо вздохнули и повеселели.

Панфера пнул мальчишку ногой.

– Встань. Отвечай.

Иудей поднялся на ноги и впериł ненавидящий взгляд в центуриона, который, продолжая обдумывать, как покончить с пророком, равнодушно спросил:

– Кто ты такой?

– Я Иоанн Креститель.

– А знаешь ли ты, глупец, что я сам тебя окрещу на деревянном кресте?

Иоанн улыбнулся и поднял голову.

– Делай своё дело, язычник.

Ответ понравился Панфере. Он с удовольствием осмотрел гордое лицо Иоанна, отметил его истовое желание стоять прямо перед ним, центурионом, хотя сильные побои истомили юное тело до такой степени, что ноги пророка подгибались, а спина и плечи то и дело клонились вперёд, словно в поклоне. Это злило пророка и приводило в ярость. Он откидывался назад, и чтобы не упасть, торопливо отставлял ногу, подпирая ослабевшее тело, взмахивал руками, словно танцевал странный, языческий танец. Но взгляд пророка твёрдый и грозный, говорил о том, что его дух по-прежнему властвовал над его слабой плотью.

Панфера опустил широкую ладонь на голову Иоанна, замотал на пальцы длинные пряди курчавых волос пророка и примерился было ударить мечом по худенькой шее, но в последний момент остановил свой замах. Кровь пророка обязательно запачкала бы его одежду. Его лучшую одежду. Ведь Панфера после выполнения приказа прокуратора должен был явиться в Иерусалим к военному коменданту города, чтобы возглавить когорту солдат, гарнизон, что находился в крепости Антония.

При воспоминании о своём блестящем назначении Панфера обмяк телом. Он не хотел убивать мальчику в такой день, но и не видел причины, чтобы оставить его в живых.

Центурион ловким ударом ноги бросил пророка на колени.

– Люди говорят, что ты можешь остановить Иордан.

– Да, язычник, могу.

– Как же ты это сделаешь?

– Словом Божьим.

Из свиты тетрарха язвительный хохот и крик:

– Панфера, чего же ты тянешь? Мы устали ждать!

Центурион отодвинулся от Иоанна и вновь поднял меч, а Иоанн, напрягая последние силы, заговорил:

– Земля поглотит тебя, язычник! Жди знамение!

В этот момент дрогнула почва под ногами у людей. С горы сорвались и с шумом покатились вниз камни.

Панферу сотрясение земли ничуть не напугало, но царь, с трудом скрыв испуг, быстро выкинул руку в сторону центуриона.

– Панфера, пощади мальчишку, и я дам тебе награду!

Римлянин отшвырнул пророка и, сунув меч в ножны, стал ждать. Солдаты сгрудились позади него, ожидая подарков. Царь и его свита спустились вниз.

Ошалевший Иоанн некоторое время лежал на горячей земле, потом вскочил и, завывая от бессильной ярости, начал метать камни в сторону Антипатра.

– Проклятый грешник, зачем ты меня спас! Зачем ты меня спас, воплощение дьявола!

Сотник стражи обратился к Антипатру:

– Государь, позволь мне наделать в нём дырки.

Камни со свистом пролетели мимо царя и упали за его спиной, кто-то вскрикнул, он же, приподняв тонкие брови, с досадой наблюдал беснующегося перед ним пророка. Затем, сдерживая злость, спросил сотника:

– Кондратий, как называют неблагодарную тварь?

– Собакой, мой государь.

– А разве на собак выходят с мечом. Дай мне палку, и покрепче.

– Бей меня, дьявол. Не сойду с места, но предупреждаю: ты попадёшь в ад. И взыщется с тебя за каждый удар!

Иоанн разорвал на своей груди тунику и шагнул вперёд.

Однако эти грозные слова пророка не остановили царя, который не верил в Бога и с презрением относился к иудеям сам, будучи сыном идумея и самарянки. Он, мягко улыбнулся и, поигрывая увесистой палкой, неторопливо подъехал к Иоанну. Лицо государя Галлилеи дышало миролюбием и добротой, но вдруг его глаза хищно блеснули. Он стремительно подался вперёд и с рычанием дикого зверя обрушил град ударов на пророка. Тот более, напугавшись вида Антипатра, чем палки, бросился бежать прочь, а в след ему звучал хохот свиты и солдат. Остановился в отдалении и, потрясая кулаками, крикнул:

– Антипа, покайся пока не поздно! Дьявол, судный день близок!

Когда поздно ночью люди, посланные Анной, пришли и пришили к таллифу Зосимы священную кисть и с величайшей осторожностью сняли толстяка с седла, он очнулся. В изумлении глянул вокруг себя и, вскрикнув: «Я видел Бога!» потерял сознание.

Глава двенадцатая

В жизни Иешуа мало что изменилось после того, как в доме Иосифа побывал первосвященник, правда, теперь Иосиф побаивался поднимать руку на пасынка, видя в нём блаженного, который почему-то понравился Анне и Матафею.

Вспоминая о Панфере, Иосиф постоянно имел перед собой его копию, и в душе плотника закипал гнев на мальчика, и он опять думал о том, что нужно бы увести его на рынок. Однако вскоре одёргивал себя: «Он же с придурью. Кто его купит? А если через два года священник спросит меня: «Где твой сын? Почему не вижу в Храме?» Плотник крякал и, смахивая с лица слёзы обиды, в отчаянии разводил руками: не по душе ему был Иешуа! Но терпел и учил его плотницкому делу, супясь, косился на мальчика, поправлял его работу топором, пилой.

– Не дави на пилу. Она сама пойдёт, и тебе будет легче.

Иешуа поднимал на отчима такой взгляд, исполненный кротости и мягкости, что плотнику становилось не по себе. Он опять крякал и, прекратив работу, развязывал узелок с едой, а после молитвы выбирал кусок рыбы или мяса крупнее, подавал мальчику и невнятно говорил:

– На-ка, вот этот полезнее будет. Чтобы рос быстрее.

Они часто ходили вдвоём по окрестным городам. Работы было много. Возвращались домой через месяц, два, гоня перед собой стадо овец или иной скот, везли мешки с зерном. Это была обычная плата за хороший труд отца и сына. Иешуа скучал без матери. Он видел её во сне, когда находился вдали от неё. И думал только о той минуте, когда мог вбежать во двор и броситься матери на шею.

Уже идя по улицам Назарета, Иешуа мучился от нетерпения, то и дело, желая помчаться вперёд, зачарованно глядел вдаль. Взволнованный и растерянный Иешуа едва не вскрикивал, когда из-за поворота выходила какая-либо женщина, похожая на Марию. Когда он понимал, что ошибся, его грудь исторгала слабый стон. Но в следующее мгновение взгляд расширенных глаз мальчика впивался в далёкий противоположный конец улицы и пытался заглянуть дальше. И он не замечал, как вдруг его ноги словно сами собой срывались с шага и быстро, на пределе сил, несли Иешуа вперёд. И вот уже виден был родной дом, забор и ворота, за которыми звучали весёлые голоса детей и его матери.

У мальчика не было терпения, чтобы постучать в ворота, так сильно он хотел увидеть маму! Он, не снижая скорости, бросился в дыру и, с треском разрывая свою ветхую одежду, влетел во двор. Его взгляд быстро скользил вокруг, а душа замирала от счастья: вот его Мария! Она бегала с детьми, словно была их ровесницей и не чувствовала пылкий взгляд старшего сына. Кто-то из детей указал на Иешуа. Мать, ещё полная озорного смеха, посмотрела в его сторону и радостно охнула. Но мальчик понимал, что и смех и улыбки предназначены не ему, а его братьям. Его счастье и радость в мгновение превратились в ужас. Душа подростка заледенела, а в груди появился холод. Мать не скучала без него!

Мария и младшие дети побежали к воротам, взволнованные выскочили на улицу, а Иешуа, весь дрожа, как подрубленный, рухнул на землю. И с лицом, искажённым не детским страданием, широко открытыми глазами смотрел прямо перед собой, но не плакал. Прижимал худенькие руки к груди.

– Боже, как я не хочу жить...

Когда оживлённая, счастливая семья неторопливо, чтобы соседи видели, загнала стадо овец во двор, то Иешуа уже спокойный и тихий, вышел навстречу, помог отцу расседлать ослов, насыпал в кормушки овёс.

Мать, проходя мимо старшего сына, опустила на его голову руку.

– Ты что-то похудел.

Мальчик в долю секунды оживился, расцвёл улыбкой и истово, мысленно попросил Бога: «Господи, Господи, удержи её руку на мне!»

Мария улыбнулась ребёнку, погладила его по щеке.

– Вижу: устал. Но теперь ты дома. Иди к столу.

А ему хотелось обнять её, повиснуть на шее и рассказать, как он скучал без неё все эти дни. Голос матери был нежным, и мальчик заплакал, и потянулся было к ней, но она, скользнув по его умоляющему лицу равнодушным взглядом, полная внимания и заботы к своим младшим сыновьям, трепетно обернулась на визг малышей. Её рука тяжело прошла по щеке Иешуа.

Подросток вздохнул и опустил голову. Его мать в эту минуту показалась ему чужой женщиной, которую он никогда не любил. Его душа замерла от страха, что он никому не нужен в этой семье, что он один, что если вдруг он умер бы или ушёл куда-нибудь, то никто из домочадцев и не вспомнил бы о нём.

С грустным лицом, которое сейчас было ангельски чистым и прекрасным, Иешуа прошёл в дом омыть руки. Мать поднесла ему кувшин с водой и чмокнула сына в висок. И тотчас весь мир для мальчика изменился, стал ярким и добрым, а комната вспыхнула волшебным светом, который исходил от матери.

Этот грустный и задумчивый мальчик вызывал своим видом смех у его ровесников – товарищей по улице. А так как он никогда не искал дружбы с ними, не пытался играть в шумные игры, то его считали гордым и мстили ему за гордость, измышляя для него самые обидные, гнусные прозвания. И едва он выходил из ворот дома, как тотчас попадал в круг мальчишек, каждый из которых потешался над ним в своё удовольствие. И тем сильнее и безжалостнее все смеялись над ним все, чем больше понимали, что он не способен ударить в ответ. Жизнь для Иешуа была невыносимой в родном городе. Терпя оскорбления на улице и равнодушные дома, он часто уединялся в глубине двора и, раскрыв на коленях любимые страницы Святого Писания, зачарованно смотрел в них, ничего не видя перед собой.

Глава тринадцатая

Иерусалим

«В первый месяц, в четырнадцатый день месяца вечером Пасха Господня». Левит 23:5

Прошло три года. Ранним утром, когда солнце ещё только поднималось над горизонтом, разгоняя в тенистых садах предместья Иерусалима ночной полумрак, освещая десятки тысяч богомольцев, которые с громкими пениями псалмов шли по дорогам, восторженно, с глазами полными слёз, глядевшими на Храм, в этот ранний час Панфера, командующий гарнизоном города, сидел в плетёном кресле на смотровой площадке восточной, угловой башни крепости Антония. Закусывал, поглядывая влево – во двор Храма, откуда непрерывно тянулся вверх чёрный столб дыма, что поднимался от жертвенника. Потом Панфера переводил взгляд вправо, на дороги, по которым в Иерусалим спешили богомольцы, гоня перед собой стада животных. Над дорогами густой пеленой висела пыль. Если бы Панфера обернулся, то увидел бы за спиной в нескольких стадиях великолепный Гефсиманский сад, что находился против Храма и крепости Антония на горе Елеонской – любимое место отдыха для горожан.

Между горой Елеонской и Храмом в глубокой низине пробегала узкая быстрая речка Кедрон. Со смотровой площадки так же можно было увидеть Иордан, Мёртвое море и жёлтую полосу Аравийской пустыни, а на западе – синюю гладь Внутреннего моря. Однако Панфера чаще смотрел вниз, в долину Тирапионь, что простиралась между нижним городом, где собственно и находились Храм и крепость Антония, и верхним городом на горе Сион. В этой долине перед огромными воротами храмового двора любили по утрам и вечерам – в часы прохлады – говорить со своими учениками фарисеи и книжники. Вот и сейчас в это ранее утро в долине, окружённые сотнями учеников стояли Зосима и Матафей, размахивая руками. Равнины с жаром что-то кричали, возбуждая криком толпы людей.

В предместье Иерусалима раздались крики:

– Осанна! Осанна!

Панфера глянул за древнюю стену Иерусалима в сады и увидел на дороге старого знакомого – Иоанна Крестителя, который ехал на осле, держа над головой деревянный крест, держал так, словно грозил всем тем, на кого он обращал свой страстный взгляд. Иоанна окружала вопящая толпа. Люди вставали перед ним на колени, расстилали ковры и плащи, бросали ему под ноги пальмовые ветки и бежали за ним следом и кричали:

– Осанна! Осанна! Сбылось речение пророка! Царь иудейский, Мессия, семя Давида!

В те годы «Мессии» появлялись довольно часто в Палестине. И порой в дни Пасхи они числом в два – три и более проклинали друг друга, приходили в Иерусалим, всякий раз соблазняя своими речами народ, который в ослеплённой преданности «мессиям» готов был в любую секунду броситься на крепость Антония, где находился римский гарнизон.

Панфера, как всегда, при стечении огромной толпы народа в праздничный день, во избежание возможных беспорядков, послал центурию на галерею, с которой открывался вид на дворы Храма, полные народа. А сам взошёл на смотровую площадку, сел за стол и начал неторопливо кушать и пить. Он, являясь уже три года комендантом крепости, мечтал о новом повышении в звании. В звании военного трибуна. Но в гарнизоне города было 600 человек, а чтобы стать трибуном, то есть получить первое офицерское звание, нужно было увеличить гарнизон в два-три раза. Это можно было сделать только в том случае, если ему – Панфере – удалось бы убедить прокуратора Палестины в необходимости ввести в Иерусалим дополнительные военные силы.

Центурия, выходя из крепости на галерею, нарочито громко топала ногами, гремела оружием. Иудеи, при виде грозных римлян, затихали. Кто-то из солдат выбросил вперёд ногу и сделал неприличный звук. В ответ раздался оглушительный хохот центурии. Звук был настолько громкий, а так как при появлении римлян, устрашённые блеском их панцирей и щитов – иудеи на короткое время в страхе и смущении замолчали, и наступила тишина во всех трёх дворах храмовой территории, то оскорбительный звук был услышан всеми людьми. Иудеи в ужасе замерли, обратив взгляды в сторону Храма, словно вопрошая: «Боже, и ты терпишь это святотатство?»

Панфера улыбнулся. Он уже придумал, как стать военным трибуном.

Огромная толпа людей, которая плотно окружала Иоанна Крестителя, двигаясь в сторону города, вбирала в себя всё больше и больше тех богомольцев, которых она настигала. Она увлекла за собой и юного Иешуа, разъединила его с родителями. Он впервые шёл в Иерусалим на Пасху и с наивным любопытством оглядывал всё, что встречал на дороге. А при виде Иоанна, он сразу поверил, что перед ним Мессия, и, трепещущий от счастья, вместе со всеми кричал: «Осанна! Царь иудейский!».

Но едва народ, задыхаясь в клубах пыли, вступил в долину Тирапионь, спеша за Мессией в Храм Его Отца, как навстречу вопящей толпе вышел фарисей Зосима. Он протянул руки, остановил богомольцев и с лицом гневным и страстным воскликнул:

– Кого вы называете царём иудейским?!

Вперёд проехал на осле Иоанн, сошёл на землю и, не останавливаясь, направился к распахнутым воротам. Толпа двинулась за ним следом, восхищённо повторяя: «Вот Мессия!»

Зосима вновь заступил дорогу Крестителю.

– Если ты из семени Давида, Мессия, то дай знамения, и я поверю тебе. И первый буду приветствовать тебя. А если ты очередной лжепророк, то не соблазняй народ, не соблазняй его на безрассудства. Это говорю тебе я, фарисей Зосима, член синедриона!

Из толпы крикнули:

– Мессия, царь иудейский, дай знамение!

Иоанн остановился и бросил на богомольцев яростный взгляд.

– Маловеры! Да неужели вы думаете, что я, Сын Человеческий, идя в Дом Отца своего, буду доказывать вам, что я Сын Его!

Люди начали опускаться на колени.

Зосима дрогнул толстым животом и на мгновение уверовал в Мессию: столько было в голосе Иоанна страстного чувства, а в лице Иоанна, в глазах его – правды.

Иоанн, видя смущение знаменитого фарисея, гордый своей победой, быстрым шагом направился в Храм.

Кто-то взял под руку Зосиму. Он обернулся. Рядом стоял, иронично кривя губами, книжник Матафей.

– Ну, что, брат? Я вижу, что ты поверил ему.

– Нет, но я не знаю, как разоблачить лжемессию перед народом.

– Это не сложно, брат. Но мне только жаль...

– Кого тебе жалко?

– Этого лжемессию, которого народ побьёт камнями. Ведь он ещё так молод, – ответил с нарочитым равнодушным видом костлявый книжник, однако едва он отошёл к своим ученикам, как тотчас преобразился, в его голосе зазвучало раздражение, а лицо исказилось злой гримасой:

– Ну, подожди, лжемессия, вот уж я тебя!

В эти годы в иудейском народе начала усиливаться вера в скорое пришествие Мессии, который должен был установить на земле израильской Царствие Божия. Народ, задавленный тяжёлыми поборами во время гражданских войн, что вели римляне в течение десятилетий, ограбленный собственным царём Иродом Великим, тем сильнее верил в Мессию, чем тяжелее была его жизнь. Во всех трёх дворах Храма и у ворот сидели ежедневно древние старики и увядшими, слезящимися от напряжения глазами внимательно осматривали всех входивших иудеев, в надежде узреть Мессию. Они умоляли Бога: не забирать их к Нему до тех пор, пока не увидят Сына Человеческого. Каким он будет на вид: седобородым старцем или отроком двенадцати лет, впервые надевшим на себя таллиф, или зрелым мужем?

Едва разнёсся по городу и Храму слух, что в Дом Отца своего шёл Сын Его, как тотчас народ иудейский уверовал, затрепетал от сладостного ожидания. Из уст многих десятков тысяч богомольцев, наполнявших собой дворы святилища, исторгся единый вздох облегчения, похожий на вопль. Лица людей увлажнились слезами радости. Книжники и фарисеи негодовали!

Когда маленький, хрупкий Иешуа, едва дыша от безумного счастья, вступил через огромные ворота в первый двор, он смутился, услышав оглушительное мычание и блеяние животных, что рвались из рук иудеев, предчувствуя свою скорую смерть. Юноша в своих экзальтированных мечтах о Храме не предвидел, что скот будет упрямыться перед забоем, что эта жертвенная скотина тут и там будет извергать из себя постыдные выделения на прекрасный мозаичный пол.

Юному иудею стало стыдно перед Богом за эту бессловесную, глупую тварь. Он покраснел, растерялся и в полном смущении опустил голову, и увлекаемый толпой пересёк огромный двор и подступил к центру его, где за низкой в три локтя квадратной стеной уходили вверх четырнадцать ступеней. Они опоясывали святилище с севера, востока и запада. А вверху на площадке за этими ступенями вздымалась над ними стена в сорок локтей, имевшая девять ворот. За воротами во втором дворе по сторонам его стояли жилища для паломников, а в центре его – очередные ступени, числом двенадцать тянулись к верхнему двору, на котором находился Храм. И эти храмовые дворы – один над другим, в три этажа – были заключены четырёхугольной стеной и имели вид пирамиды. Однако четвёртая сторона этой пирамиды, обращённая к западным воротам, была вертикальной и не имела ступеней.

Это грандиозное сооружение, блистающее золотом, было неприступной крепостью, но над нею возвышался замок Антония, с галереи которого солдаты наблюдали все три двора Храма и могли в любое время спуститься вниз по лестницам. Но под страхом смерти солдатам был запрещён вход на них.

Прямо перед входом в Храм стоял огромный жертвенник. Тысячи левитов – служители Храма – ежеминутно мыли, чистили святилище, закалывали, разрубали на части жертвенный скот, сдирали с него шкуру, носили воду для омовения руки и ног. Красные, упревшие, задыхаясь в густом дыму, левиты поддерживали огонь, горевший день и ночь, сжигавший постоянную жертву: тук... Жир.

Люди бросались навстречу Иоанну медленно подвигавшемуся вперёд. Калеки, убогий люд стремились дотронуться до Мессии руками. Он же, не обращая на них внимания, разгорячённый бурлящим вокруг морем людей, потрясал крестом и требовал от них покаяние.

Иешуа прибитый, придавленный к нему толпой, оглушённый криками, всё-таки успел заметить, что Мессия не замечал слабых стариков. Иешуа не перестал верить в Мессию, обо-

жать его, но какой-то странный дух противоречия заставил юношу раскрыть уста и кощунственно сказать:

– Покаяние хорошо, но разве только это может приблизить Царствие Божие?

Иоанн услышал странные слова юноши и вперил в него быстрый, удивлённый взгляд.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, вот кто-то покаялся. И перестал грешить. Но вот на дороге увидел, что люди избивали человека, и прошёл мимо. Неужели такой человек может приблизить Царствие Божие?

Изумлённый Иоанн наклонился к Иешуа, внешне ничем не примечательному юноше, но говорившему смело и разумно. Его восторженный вид говорил, что он верил в то, что Иоанн Мессия. Только слова Иешуа доказывали обратное.

Креститель ниже наклонился к юноше, раздражённый тем, что тот беседовал с ним, как с равным. Зло крикнул:

– А что же ещё нужно для тех, кто покаялся?!

– Я думаю, что нужно жалеть обиженных и слабых людей, – кротко ответил Иешуа и указал на калек.

Иоанн ещё более придя в ярость от этих глупых слов, воскликнул:

– Да разве ты не знаешь, что они прокляты Богом за свои грехи! И кто ты такой, чтобы судить так?

– Я из Назарета. Иешуа сын Иосифа.

– Ну и иди, Иешуа из Назарета, пожалей грешников. Они тебе руки – ноги поломают! Сразу видно по тебе: блаженный и расслабленный!

Иоанн с презрением отвернулся от юноши. А кто-то из калек, обиженный равнодушием Иоанна, обратив свой взгляд на маленького Иешуа, возопил, показывая на него пальцем:

– Вот Мессия! Вижу над ним руку Бога!

Растерянный Иешуа метнулся в гущу толпы и долго не мог отдышаться. Он знал, что всегда был последним из последних и равным по духу этим убогим людям, потому и понимал их.

В это время наверху, перед жертвенником происходила обязательная предпраздничная церемония: проклятие и изгнание из земли израильской козла отпущения.

Два тщательно вымытых белых козла были подведены к первосвященнику Анне. Тот с помощью простого жребия выбрал одного из них в жертву за весь иудейский народ и, возложив на его голову руки, обратил взгляд в сторону блистающих золотом ворот Храма.

Левиты быстро зарезали и ободрали козла, разрубили его на части и положили куски мяса на жертвенный огонь для всесожжения. Только после этого Анна с лицом торжественным повернулся ко второму животному и сильным жестом простёр к нему свои руки, грозно крикнул:

– Вот тварь, которую я проклинаяю от имени всего народа Израиля!

Козёл мелко жуя жвачку, обратил маленькие фиолетового цвета глазки на первосвященника и чуть качнул рогатой головой. В этом жесте козла в сочетании с его неторопливым жеванием жвачки было столько разумной иронии и даже насмешливости, что Анна в изумлении замолчал и, подавшись вперёд, настороженно всмотрелся в рогатую морду. А потом, в явном замешательстве, сделал вокруг себя загребающий жест руками, а потом сильно толкнул их в сторону козла.

– Все грехи народа я бросаю тебе на рога твои, тварь проклятая! Неси их в пустыню и издохни там вместе с грехами народа.

Он начал перечислять виды грехов, тяжесть каковых ничуть не пугала козла, который по-прежнему в упор глядел на первосвященника и тем смущал Анну. И, кажется, козёл был доволен своей участью, потому что он видел, что произошло с его товарищем, всё слышал и

многое понимал. Его насмешливый, умный взгляд путал мысли Анны. «Почему он так смотрит на меня? Или он отказывается принять грехи народа?»

Внизу закричали: «Мессия! Мессия!» И вскоре на верхней площади перед жертвенником появился Иоанн, держа в руках маленького овна. Люди заполнили собой всё пространство вокруг жертвенника, и левиты, не в силах пройти с козлом вниз, остановились.

Все смотрели на Иоанна, ждали...

Когда Креститель принёс в жертву овна и уже готов был направиться в Храм, то к нему подступили книжники и фарисеи, с трудом удерживая расслабленного. Тот порывался из стороны в сторону, дрыгал ногами, хрипел и яростно поводил налитыми кровью глазами.

Фарисей Зосима с явной насмешкой в голосе сказал Иоанну, указывая на расслабленного:

– Царь иудейский от семени царя Давида, яви чудо народу: изгони из него бесов, чтобы он тоже, как и ты принёс жертву Отцу Твоему и вечером отпраздновал бы Пасху.

Зосима ожидал увидеть тень растерянности на лице Крестителя, услышать отказ, но Креститель верил в себя, искренне верил в то, что он Сын Человеческий. И, досадуя в душе, что люди сомневались в нём, уверенно шагнул к расслабленному, поднял над ним свой крест и громовым голосом закричал:

– Приказываю вам, порождение Вельзевула, именем Отца Моего, пойдите вон!

Люди затихли, приставляя к ушам ладони, чтобы услышать спор бесов, которые сейчас столпились внутри расслабленного и посматривали в страхе изнутри на грозного Мессию, и упрямились, не хотели выйти вон.

Иные люди, боясь, что бесы, покинув расслабленного, могли кинуться к ним, зажимали ладонями свои рты и делали перед собой святые знамения. И полные любопытства, не спускали взглядов с разъятого рта расслабленного: уж так хотелось посмотреть на бесов... какие они на вид?

Больной перестал вырываться, остановил свой безумный взор на Крестителе и закрыл слюнявый рот. Люди восхищённо заохали и начали опускаться на колени. Креститель подступил к больному человеку ближе и вновь закричал, потрясая крестом. А расслабленный вдруг плюнул ему в лицо и дико рассмеялся.

Иоанн вздрогнул.

В те давние времена необычайно высоко ценилась красота лица. Ударить по такому лицу или плюнуть в него означало: совершить великую подлость и даже богохульство. Даже раба нельзя было бить по красивому лицу. А Иоанн был замечательно красивым юношей.

Он поник головой, задыхаясь от унижения. Слезы наполнили его глаза. И все люди, которые плотно стояли вокруг Иоанна, вдруг увидели, что перед ними обыкновенный человек и озлобились на него. Сотни рук потянулись к Крестителю. Он вскинул голову и с презрением оглядел озлобленные лица.

– Вы сами назвали меня Мессией и уверили меня в этом!

Но те, кто только что преклонялся перед Иоанном, кто считал себя его рабом, увидев его равным себе, люто возненавидели Крестителя, потому что неосознанно ощущали стыд за то, что поклонялись равному себе.

С глазами полными гнева Иоанн отступил к жертвеннику и припал к его длинному рогу, который давал всякому человеку, совершившему любое преступление право убежища.

В этот момент один из тех солдат, которые стояли цепочкой на галерее и смотрели на то, что происходило перед Храмом у жертвенника, поднялся на барьер и поддерживаемый своими товарищами, повернулся спиной к иудеям, присел и, подняв на заду плащ, сделал громкий неприличный звук.

Потрясённые этим глумлением, люди замерли. Потом с плачем простёрли свои руки в сторону Панферы... он стоял над ними на смотровой площадке. Люди с дрожью в голосе начали просить:

– Панфера, пощади нас: накажи солдата!

Но тот неподвижно взирал на десятки тысяч иудеев, которые заполнили собой дворы храмового комплекса, и молчал.

Люди всё более и более плакали и умоляли Панферу их перед Богом.

Иоанн Креститель быстро покинул своё убежище и вскоре вернулся с десятью такими же, как он, юношами. В их руках были корзины с камнями.

Молодые люди обрушили град камней на солдат. Те прикрылись щитами.

Грозное лицо Панферы тронула улыбка, он глубоко вдохнул в себя воздух и, сделав знак трубачу, крикнул:

– Все вверх! На галерею, к лестницам!

Протяжно заревела труба. Иудеи в ужасе отхлынули назад во всех трёх дворах комплекса. Крепость Антония наполнилась громким шумом, бежавших из казармы солдат. Они выскочили на галерею и помчались в сторону лестниц. И остановились там.

Мирные богомольцы в страхе попятись, а потом, давя друг друга, бросились вниз, к воротам. Десятки тысяч людей, обезумев, растаптывали тех, кто запинался, падал.

Панфера подавшись вперёд, жадно смотрел на бегство иудеев и, потрясая кулаком, с хохотом кричал:

– Я вас заставлю приносить свиней в жертву! Ха-ха-ха!

Насладившись видом бегущих толпы людей, он приказал солдатам поднять на боевые площадки орудия: катапульты, баллисты, скорпионы. И направил гонцов в Кесарию Приморскую, к прокуратору с требованием прислать подкрепление.

В то время, когда громада людей ринулась к воротам, маленький Иешуа находился наверху перед жертвенником. Юноша, движимый чувством самосохранения, отпрянул к высокой стене жертвенника и сжал руками священный рог. Люди с воплями, сбивая друг друга с ног, пронеслись мимо юного иудея, падали сотнями, тысячами с крутых ступеней лестниц вниз.

Забывтый всеми козёл отпущения грехов прижимался к Иешуа и равнодушно из-под полу – прикрытых век смотрел на бегущих людей, неторопливо жуя жвачку.

Вот проскочила толпа. И от неё отстал, словно выпал из толпы подросток лет восьми. Он торопливо упёрся руками в золотые узоры мозаичного пола и встал, было, на колени, но когда увидел набегавшую на него вторую толпу, покорно опустил голову и молитвенно сложил на груди руки.

Иешуа метнулся к ребёнку и рывком поднял его на ноги.

Козёл раскрыл глаза и стал быстро жевать свою жвачку, внимательно следя за юными иудеями. Иешуа потянул ослабевшего мальчика в сторону жертвенника, прочь от бегущих людей, но они были уже рядом, в каких-то десяти локтях и должны были неминуемо растоптать Иешуа и ребёнка.

Козёл перестал жевать жвачку, опустил голову, выставил вперёд свои острые рога и с громким рёвом помчался навстречу обезумевшей толпе. Ударил одного, другого, остановил на две-три секунды людей и упал сбитый ими с ног и был раздавлен толпой насмерть. Но этих секунд хватило Иешуа, чтобы оттащить потерявшего сознание мальчика к спасительной стене и забросить его наверх жертвенника.

Десять тысяч иудеев погибло в этот день в храмовом комплексе. Все дворы, ступени были залиты кровью.

Пронзительные вопли стенаний огласили город. Люди разрывали на себе одежды, посыпали головы землёй, а иные, не в силах перенести горе от смерти единоверцев, бросались вниз на дорогу с высоких крыш или с крепостных стен в пропасть.

Народ со всех сторон прихлынул к Храмовому комплексу, разыскивая родных, близких людей, перевязывая раненых, унося мёртвых.

По лестнице среди трупов, оглядывая их, поднимался пожилой иудей. Он разрывал на себе одежду, плакал и кричал:

– Лазарь! Лазарь!

– Я здесь! – откликнулся с жертвенника мальчик и спрыгнул на пол, помчался к отцу.

Иудей охнул и, плача ещё сильнее, протянув руки вперёд, бросился наверх и в исступлении сжал своё чадо.

– Боже мой, не сон ли это? Не во сне вижу тебя! – возопил он, то отодвигая от себя мальчика, то прижимая и целуя ребёнка.

Обезумевший от счастья, он смеялся и приплясывал, и вдруг затянул громовым голосом хвалебный псалом Богу.

Заласканный отцом Лазарь указал на Иешуа:

– Отец, вот добрый человек, который спас меня от смерти..

Отец подошёл к юноше, и как сына обнял и расцеловал его. Эта ласка смутила Иешуа, потому что он никогда не знал подобного проявления чувств к нему. Между тем, мужчина, уже придя в себя и счастливыми глазами глядя в лицо юноши, сказал:

– Позволь, добрый человек, назвать тебя моим сыном, позволь пригласить тебя в мой дом. Он теперь и твой дом.

По приказу первосвященника Анны Иоанн Креститель был найден, закован в кандалы и приведён во дворец Анны и брошен в подвал.

Дворец Анны находился по другую сторону долины Тирапионь, на горе Сион. Из окон дворца хорошо был виден Храм, откуда доносился протяжный, горестный вопль народа. Только левиты не прекращали приносить жертвы Богу.

Члены синедриона, основную массу которых составляли саддукеи – партия аристократов и священников – быстро собрались в круглом зале второго этажа дворца Анны.

Когда высокая дверь от сильного толчка распахнулась, и в зал вошёл с гордо поднятой головой Иоанн Креститель с цепями на руках и ногах, сжимая в правой руке крест, члены синедриона пришли в ярость от вида Крестителя. Они вскочили с лавок.

– Предатель! Погубитель народа! Выдать его римлянам на крест!

Пророк я презрением оглядел вопящих людей и крикнул в ответ:

– Я вижу перед собой сброд трусов и негодяев!

Саддукеи на мгновение опешили от этих слов. Ведь они – саддукеи – всегда восхваляли присутствие римских войск на территории Палестины, видя в них залог не только мирной жизни иудеев, но и великое благо.

Аристократы с поднятыми кулаками бросились на Иоанна, но их придержали и опередили фарисеи.

Первосвященник вырвал из руки пророка крест, с яростью переломил его о колено и метнул обломки под ноги Крестителя.

– Ты лжемессия, и знамя твоё языческое от вавилонской блудницы!

Он замахнулся, чтобы ударить по лицу, но оно в это время было так прекрасно, что первосвященник не осмелился нанести ему позорящий удар и отступил. Но Зосима, дрожа от ярости толстыми щеками, пребольно ткнул Иоанна в грудь кулаком.

– Проклятый! И ты возомнил себя Мессией!?

На это Иоанн, с трудом удерживая хладнокровный вид, хотя колени его заметно дрожали, сильно сказал, протянув руки в сторону фарисея:

– Я несу свет народу. Вы же блуждаете во тьме и тянете народ в грех.

Зосима в изумлении всплеснул руками.

– Каков наглец!

– Я пророк, и если вам угодно будет слушать меня, то я стану пророчествовать.

Зосима, торопливыми жестами сдерживал натиск саддукеев, которые поедали Крестителя глазами, оскорблённые до глубины души тем, что какой-то пастух, свинопас, ничтожество посмел их – соль земли – назвать трусами.

Зосима вновь подступил к Иоанну и, глубоко вздыхая, чтобы успокоить себя, насмешливо обратился к юноше:

– Сказано в Писании – разве ты не знаешь? – что лжемессия тот, кто не может изгонять бесов И разве ты не доказал сегодня... – Зосима обратил увлажненные глаза в сторону Храма – ... что ты обычный мужик.

– Так было угодно Богу.

– А разве ты не знаешь, что Бог уже сотни лет перестал говорить через пророков. Он изрекает свою волю через нас, фарисеев!

Матафей метнул угрюмый взгляд на фарисея и с досадой в голосе пробормотал:

– Опять он ищет место прославить себя...

Зосима, потрясая над своей головой пальцем, продолжал:

– Да как ты смеешь объявлять себя пророком, если Бог не говорит через тебя. Ты богохульник! Пророков нет, и не может быть!

На это Иоанн хладнокровно ответил:

– Так считаешь ты, фарисей Зосима.

– Значит, ты по-прежнему говоришь: пророк?

– Да!

Садукееи затопали ногами.

– На Голгофу! На римский крест!

Первосвященник поднял руки и жестами попросил всех вернуться на свои места и в состоянии озлобления на Иоанна подошёл к нему и крикнул:

– Богохульник!

В те годы это было страшное обвинение, за которым следовало побитие камнями... смерть.

Анна обернулся к Зосиме, который задумчиво смотрел в пол и сказал:

– Зосима, говори, что с ним делать?

– Надо отпустить его.

Первосвященник в полной растерянности охнул. В зале наступила тишина. Анна кашлянул в кулак и тихо заговорил:

– Римляне потребуют зачинщика. А если мы отпустим его, то этим навлечём на себя гнев Рима.

Зосима продолжал смотреть в пол, не решаясь сказать, что Анна боится за свой священнический сан, а не ради иудеев. Он обратился к книжнику Матафею:

– Говори.

– Надо отпустить его. Он брат наш. И нельзя отдавать его на распятие Риму.

– Так ты признаёшь его за пророка?

– Нет. Но он брат наш.

– А что скажут саддукееи?

– Отдать! Отдать на распятие!

В зал осторожно вошёл начальник храмовой стражи и, испросив разрешения у Анны, сказал синедреону:

– Манасия, сын Александра хочет обратиться к вам.

При имени главы секариев людей охватил страх, а едва Манасия появился в зале со смиренным видом, как все опустили взоры вниз, стараясь быть малозаметными. Секарий исподлобья оглядел членов синедриона и негромко буркнул:

– Нет на нём греха... – и вышел вон.

Спустя час, Иоанн глубоко погружённый в свои мысли, выехал на осле из ворот Иерусалима, держа направление в сторону Иордана. Там, за святой рекою в земле Колена Гадова он должен был по решению синедриона жить, не покидая места.

А спустя два дня, горожане увидели с крепостных стен римский легион, что быстро двигался в клубах пыли к городу. Люди разбежались по домам и затихли.

Легион вошёл в крепость Антония, куда вскоре был приглашён первосвященник Анна с мешками золота.

В дни Пасхи и опресноков иудеи ели свои горькие лепёшки пополам со слезами.

Иешуа все эти дни провёл в доме отца Лазаря Илии. Илия был купцом и очаровал юношу своими рассказами о дальних странах на Востоке, куда он вновь после праздника Пасхи и опресноков должен был направиться в караване с другими купцами. Пылкое воображение юноши разгорелось картинами сказочного мира. И Иешуа попросил Илию взять его с собой, и немедленно получил согласие.

Итак, обретя новую семью, в которой его любили, Иешуа редко вспоминал Марию и Иосифа. Он на долгие годы покинул Палестину.

Дети всегда неблагодарны к тем, кто относится к ним равнодушно, а если они благодарны, то это лицемерная благодарность.

Глава пятнадцатая

РИМ

На следующий день после избрания Цезаря Правительство в полном составе собралось ранним утром в Храме Юпитера и затихло в ожидании Тиберия, его многолюдной охраны, которая сопровождала в прошлый день полководца с обнажёнными мечами, готовая в любой момент наброситься на сенаторов и изрубить их в куски. Все сидели в трепетном, напряжённом ожидании, не глядя друг на друга, готовые немедленно вскочить при звуке грохота шагов преторианцев.

Но вот осторожно, стараясь не шуметь, в зал вошёл Цезарь. Он сел за боковой столик. И так как Цезаря никто не замечал, он вынул из-под мышки свитки документов и углубился в их чтение. Он словно бы в рассеянности откинул на груди тогу, под которой была кожа, не прикрытая панцирем. Наконец сенаторы увидели Цезаря – без охраны, одного – который сидел в скромной, рабочей позе просматривая свитки и делая них ногтём отметки.

При виде грозного Тиберия, сидевшего в позе смиренного мелкого чиновника, в углу – сенаторы опешили. А когда полководец поднял голову и тихо сказал мягким голосом: «Отцы-сенаторы, позвольте мне присутствовать на вашем заседании». – Люди в умилении вскочили с мест и разразились рукоплесканиями и криками приветствия. Некий консуляр бросился в ноги Цезарю, ловя край его тоги для поцелуя, но тот с гневной гримасой на лице закрылся рукой и так отпрянул назад, что упал на спину. Вскочил на ноги и слыша вокруг слова «Государь! Государь!» он жестами попросил замолчать всех и, с укором обведя сенаторов взглядом, воскликнул:

– Вы меня оскорбляете таким поведением! Я ваш ученик. Пришёл слушать, а не приказывать и не управлять вами!

Это необычное самоуничижение грозного полководца вызвало ещё больший прилив умиления в душах перепуганных людей, любовь и обожание.

А когда Цезарь в конце рабочего дня начал покашливать и кутаться в тогу, говоря, что он от переутомления чувствовал приближение смерти, умоляя не вставать с ложа до полного выздоровления. Он же, с трудом ворочая языком, обращался к Геманику, который должен был отправиться на север и возглавить легионы, стоявшие в Галлии и Германии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.